

Аделард Батский и его трактат «De eodem et diverso»

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-11-3-205-246.

Аделард Батский родился около 1080 г. Имя Adelardus четыре раза появляется в картулярии Батского аббатства святых Петра и Павла, и нет никакой уверенности, что речь каждый раз об одном и том же человеке¹. Сам Аделард говорит о своем происхождении в «Естественнонаучных вопросах», 28: «Я называю себя не стоиком, но уроженцем Бата (non Stoicum me, set Bathoniensem dico)». Дальнейшие подробности биографии отыскиваются в его сочинениях: как свидетельствует трактат «О тождественном и различном» (п. 3–4)², Аделард завершает свое образование на континенте, в Туре, где некий знаменитый, хотя и оставшийся безымянным мудрец учит его астрономии, где Аделард музицирует в присутствии королевы (п. 71) и где он и помещает свою встречу с Философией — вечерней порой, вдали от людей, на луарских берегах. Из Тура он отправляется в Южную Италию, в образовательное путешествие, занявшее полтора года (важные его точки — Салерно и Сиракузы), а по возвращении (в конце 1110 г.) пишет трактат «О тождественном и различном» в ответ на укоризны племянника, не видевшего смысла в его путешествии (п. 1–2). Из «Естественнонаучных вопросов» мы узнаем о дальнейшем: Аделард, преподававший в Ланоне, распустил своих учеников, готовясь к путешествию за «арабской ученостью» (Arabum studia), занявшему семь лет (Quaestiones naturales. 1.1); из мест, им посещенных, упомянуты два киликийских города, Тарс (16.2) и Мамистра (античная Мопсуестия), где Аделарда застигло землетрясение (50.1).

¹ Дважды (один документ времен Вильгельма Рыжего и один — 1100 г.) речь идет о «кравчем» (darifer) батского епископа Иоанна де Виллулы (1088–1122), дважды (1106 и 1122) это имя упомянуто среди «воинов и служителей» (milites et ministri) того же епископа. Документ 1106 г. говорит об «Аделарде, сыне Фастрада»; Фастрод был одним из главных держателей Гизы (Гизона), епископа Уэлского (1060–1088). Возможно, это наш Аделард, хотя такое предположение встречает трудности. Подробнее см.: Adélard de Bath, 2016: X–XII.

² Здесь и далее ссылки на трактат «О тождественном и различном» — в тексте статьи; разбивка на параграфы дана по французскому изданию (ibid.).

В Средние века Аделард был славен преимущественно как переводчик: ему принадлежит первый полный перевод «Начал» Евклида (с арабского), а также ряда астрономических текстов — астрономических таблиц Ал-Хорезми, «Введения в науку о звездах» Абу Машара и пр. Переводческая деятельность позволила ему более основательно познакомиться с дисциплинами квадривиума; как преподаватель этих наук Аделард написал пособие об абаке (*Regule abaci*) и астрологии (*De opere astrolapsus*), а также глоссы к боэциевским учебникам арифметики и музыки. За пределами этой сферы Аделарду принадлежат три трактата: «О тождественном и различном» (*De eodem et diverso*), «Естественнонаучные вопросы» (*Quaestiones naturales*) и «Трактат о птицах» (*De avibus tractatus*), объединенные тем, что во всех них собеседником или адресатом выступает племянник Аделарда; это дало Ч. Бернетту повод издать их под общим заглавием «Беседы с племянником» (*Adelard of Bath*, 2006).

«Первопроходец во многих отношениях, пламенный апологет дисциплин квадривиума и неутомимый охотник за новыми и лучшими *auctores*» (*Wetherbee*, 1972: 22), Аделард выказывает эти качества и в трактате «*De eodem et diverso*». Он написан в форме диалога между Филокосмией³, защищающей мирские блага, и Философией, отстаивающей интеллектуальные занятия и производящей для главного персонажа — юноши, стоящего на жизненном распутье, — обзор семи свободных дисциплин.

Название трактата, как указывает Аделард (I, 3), восходит к «Князю философов» (*Principes philosophorum*), то есть к Платону, чей диалог «Тимей» был известен Аделарду по латинскому переводу Халкидия. Какие пассажи «Тимея» вдохновили Аделарда на это название? Прежде всего, различие меж двумя видами бытия: «Одно, постижимое интеллектом под руководством и с исследованием разума, всегда одно и то же (*simples idem*), другое же, представляемое мнением вкупе с неразумным чувством и поэтому неопределенное, рождающееся и гибнущее, но никогда не пребывающее в стойком и неизменном состоянии» (*Calc. Tim.* 28a). Тожественное (*idem*) Аделарда, таким образом, — неизменное, различное (*diversum*) — изменчивое. Чуть дальше (*Calc. Tim.* 34c–35a) повторяется различие между «неделимой субстанцией, неизменно пребывающей в своем состоянии, и другой, которая, будучи неотлучным спутником тел, распределяется по этим телам», и говорится о «двойной и двубразной природе, одна часть которой называется

³Эта фигура, в отличие от персонифицированной Философии, изобретена самим Аделардом.

тождественным, а другая — отличным (*cuius pars idem, pars diversum vocetur*)» (Calc. Tim. 35a). *Idem* — неделимое единое, *diversum* — чувственное, делимое и разделенное между телами. Комментарий Халкидия к этому пассажиру дает еще одну трактовку: «В каком смысле природа двубразна? Все природные вещи, говорит [Платон], или тождественны меж собой, или различны: тождественны по роду, различны по виду» (Calc. In Tim. 28). Противопоставление *idem* и *diversum* повторяется в «Тимее» ниже (Calc. Tim. 36c–37b), в описании того, как демиург творит душу и как эта работа приводит к двум кругам, вставленным один в другой: «Движение внешнего круга он назвал тождественным (*eundem*), как сродное природе тождественного, а внутреннего — отличным (*diversum*)». Наконец, в Calc. Tim. 51d–52a это противопоставление воспроизводится применительно к уму и истинному мнению и их объектам, двум видам бытия: одно — удаленное от чувств, помещенное в себе самом, не знающее рождения и смерти, другое — рожденное, чувственное, подверженное изменениям. Эти два вида могут соотноситься с двумя персонажами трактата: ум — с Философией, привязанное к чувственным вещам мнение — с Филокосмией⁴.

Для трактата Аделарда, соединяющего прозу и стихи, образцом выступают два знаменитых позднеантичных прозиметра: в беседе «я» с Философией — «Утешение Философией» Боэция, в смотре семи свободных искусств — «О браке Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы⁵. XII век вообще отмечен возрождением боэцианского прозиметра, и Аделард (вместе с Хильдебертом Лаварденским как автором «О жалобе и столкновении духа и плоти») стоит в начале того пути, который в середине столетия приведет к блистательным прозиметрам Шартрской школы — «Космографии» Бернарда Сильвестра и «Плачу Природы» Алана Лилльского. Стихотворная часть у самого Аделарда довольно скромна: в «*De eodem et diverso*» всего два стихотворения, написанных элегическим дистихом и расположенных симметрически: первое вложено в уста Филокосмии (II. 14), ответное — в уста Философии (II. 37), и оба они появляются там, где ораторы намереваются проклясть друг друга в наилучшей художественной форме.

⁴Подробнее о семантике названия см.: Adélard de Bath, 2016: xxxi–xxxvii.

⁵Предполагают также, что Аделард мог ориентироваться и на греческий образец — «Сновидение» Лукиана, где Лукиан выбирает между двумя женщинами, персонафицированной Скульптурой (*Hermoglyphike*) и Образованностью (*Paideia*), и каждая произносит речь в свою защиту (Balint, 2009: 22–24).

Помимо двух упомянутых текстов, *Философия*, как и ее ученик Аделард, в явной и скрытой форме ссылается на многих античных авторов: для тривиума основные источники — «О нахождении» Цицерона, логические труды Боэция (в частности, «Введение в категорические силлогизмы»); для квадравиума — Боэций в арифметике и музыке, Евклид в геометрии и пр. И даже Филокосмия цитирует вергилиевские «Георгики» (II. 11): это несколько странно для персонажа, который явился на сцену не для защиты хорошего образования, но естественно для книги, полной интеллектуального оптимизма и веры в классическую мудрость.

Трактат «*De eodem et diverso*» известен в единственной рукописи (Paris, BnF, lat. 2389, s. XII^{med}, fol. 81v^o–91v^o). Наш перевод выполнен по изданию Ч. Бернетта (Adelard of Bath, 2006), английский перевод которого привлекался для сверки; кроме того, мы использовали перевод и комментарии недавнего французского издания (Adélarde de Bath, 2016).

Р. Л. Шмараков

д. филол. н., доцент, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург)

АДЕЛАРД БАТСКИЙ

О ТОЖДЕСТВЕННОМ И РАЗЛИЧНОМ*

1. СИРАКУЗСКОМУ ЕПИСКОПУ ГИЛЬОМУ¹ АДЕЛАРД ШЛЕТ ПРИВЕТ.

1. Когда я читаю славные сочинения древних мужей — не все, но большую их часть — и сравниваю их способности со знаниями новейших, то нахожу первых красноречивыми, а последних зову молчаливыми, притом что и первые всего не знали, и последние не вовсе невежды². Поэтому, как первые всего не сказали, так и последним не должно

*© *Философия*. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © Р. Л. Шмараков. Оригинал: *Adelard of Bath. Conversations with His Nephew: On the Same and the Different, Questions on Natural Science, and On Birds* / ed. and trans. from the Latin by C. Burnett. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006. — P. 2–73.

¹Епископ Сиракуз в 1110-х гг.; посвящение ему трактата рассматривают как свидетельство связей, которые Аделард поддерживал с южной Италией.

²Ср. Boet. Cons. v. m. 3. 25–27.

вовсе молчать. Следует, я полагаю, что-то писать, хотя бы скромно, чтобы новейшие, опасаясь прикосновенья зависти, не подвергались обвиненьям в невежестве. Ведь и сам я, когда, полный той же боязни, страшился написать кое-что в ответ на некое несправедливое обвинение моего племянника, пришел наконец к такому решению: страх порицания терпеливо снесу, несправедливому обвинению посильно отвечу. 2. А так как всякое наставительное сочинение ждет суда не от своего создателя, но от кого-либо другого, приходится мне все, мною смутно в моем разуме начертанное, предать на прояснение рассудительности мудреца. И поскольку в этом послании я сочел картины не одной только области знания, но, как требовал мой замысел, переплел описания всех семи свободных искусств, из сего, по моему разумению, следует, что надобно мне выбрать судьей не кого-нибудь, но человека, напоенного от седмеричных струй философии³.

3. Посему тебе, Гильом, сиракузский святитель, во всех математических искусствах опытейший, посвящаю я эту речь, дабы все, что, мало доверяясь скудным моим познаниям, не дерзает явиться на публике, благодаря твоей взыскательности вышло в свет с уверенностью и, выставляя пред собою твое имя, не страшилось укусов гложущей зависти. Послание же это я озаглавил «О тождественном и различном», затем что большую часть речей отдал двум лицам, Философии и Филокосмии, из коих одну Князь философов⁴ называет «тождественной», а другую «различной». Итак, твоею заботою будет отсесть лишнее и расставить беспорядочное; а я, как замышлено, буду отвечать племяннику.

II. АДЕЛАРД СВОЕМУ ПЛЕМЯННИКУ О ТОЖДЕСТВЕННОМ И РАЗЛИЧНОМ.

1. Часто удивляешься ты, племянник, причине трудного моего путешествия и весьма едко порицаешь мою затею за легкомыслие и своенравие. Если бы кто другой или человек заурядный впал в такое заблуждение, я не стал бы придавать этому важность. Но так как это ты, я не меньше дивлюсь, чем печалюсь. Дивлюсь, потому что, хотя сам ты по сию пору не вышел из отрочества, от которого некое легкомыслие неотъемлемо⁵,

³Этот образ, возможно, отсылает к Эригене (*Super Ierarchiam caelestem sancti Dionysii PL. 122, 139C–140A*), а также к библейскому *fons sapientiae* (Притч. 18:4).

⁴То есть Платон. Об отсылках к «Тимею» см. вступительную статью.

⁵Ср. Сис. De sen. 33: «Жизнь течет определенным образом, и природа идет единым путем, и притом простым, и каждому возрасту дано его время, так что слабость детей, пылкость юношей, строгость правил (*gravitas*) у людей зрелого возраста и умудренность старости представляются, так сказать, естественными чертами характера, которые

ты порицаешь во мне то, что найдешь в себе самом, если не станешь притворяться. 2. Печалось больше, потому что, хотя у меня нет ничего дороже тебя и обычно мы в любом суждении единомысленны, именно насчет этого моего решения мы расходимся. Посему, чтобы нам от этого несчастья не потерять то второе «я», какое обычно обретается в душах друзей, давай соединим наши мнения⁶. Я, если ты согласен, вкратце изложу причину моего блуждания, как ты его обычно называешь, и приведу извилистый лабиринт к единственному приемлемому выходу; а ты примечай, правильно ли я сплетаю доводы, и запасись тем скромным безмолвием, к какому обычно обращаешься перед лицом многословной вереницы софизмов или пылких излияний риторики. Вещи, кои два года утаивал, я открою, чтобы тебе угодить, — ты же суди о моей речи в конце, как о дне — вечером.

3. Был в прошлом году в Туре один человек, уважаемый сколь за мудрость, столь и за нравы, так что к его помощи и простой народ прибегал, и философы. Но что распространяться в похвалах, если слушатели в наши дни большей частью завистливы, а тебе, бывшему там вместе со мною, отменные свойства этого мужа хорошо ведомы? Я прилежно поддерживал наше знакомство, усердствуя сделаться ученым благодаря его осведомленности. 4. Однажды ночью, описав мне положение созвездий, свойства планет, расстояния меж орбитами, он молвит: «Ты взвесь, верно ли я все представил, а я пойду домой». Тогда я, поглощенный и важностью предмета, и наставленьем старца, готовлюсь все услышанное пройти в уме заново. И так как окрестности обыкновенно вносят в душу некий покой или же волнение от возбуждения чувств, я выбираю место самое покойное, какое только можно, за городом⁷, где ничто бы меня не беспокоило, лишь аромат цветов и плеск реки Луары. Когда я таким образом всецело предавался обдумыванью его слов, а все окружающее отступило, увидел я⁸ двух женщин, одну справа от себя, другую слева, и изумился. 5. Справа была та, которую толпа страшится видеть, а философы никогда не знают вполне. От

надлежит приобретать в свое время» (пер. В. О. Горенштейна). *Levitas*, «легкость», приписываемая отрочеству Аделардом, — антоним *gravitas*, «степенности», которую Цицерон придает зрелым годам.

⁶О дружбе как согласии душ ср.: *Cic. De amic.* 15 и 20.

⁷Так в аллегории Продика удаляется в пустынное место Геракл, чтобы размыслить о жизненном пути; см. *Xen. Mem.* II. I. 21; *Cic. De off.* I. 118.

⁸Ближайший образец для Аделарда в описании видения — Боэций (*Boet. Cons.* I. рг. 1–6), на которого Аделард прямо ссылается ниже, II. 38.

этого и толпа ее не ищет, и философы, найдя, никогда не обладают ею целиком. Стояла она, обступленная семью девицами, чьи лица, хоть и были различны, за всем тем так сочетались⁹, что ни одну нельзя было видеть ясно, если не взирать на всех сразу. Та же, что слева, была склонна ласкать толпу, так что толпа за ней одной следовала. И ей сопутствовали пять служанок, чьи лица узнать было мне нелегко. Они ведь были словно стыдом отягощены и неспособны сносить взор тех семи, что стояли напротив. Пока, утраченный ими, я поочередно обегал тревожным взглядом то одних, то других, та, что слева, свой лик согласуя с речами, начала так¹⁰:

6. «Какою, юноша, виной введен ты в это заблуждение, что всего себя посвящаешь столь бесплодному занятию и, словно собственную тень, тщетно силишься ловить лукавый бег вещей утонченных? Неужели ты не знаешь, что даже если предметы, тобою искомые, имеют некую достоверность, однако из каждого вырастают несметные сомнения, словно тернии ума?¹¹ Лучше доверься мне ненадолго и сам суди о том, что я изложу, из многого выбирая то, что придется тебе по нраву.

7. Есть у меня сии пять служанок¹², из коих одной — и первой — от молодых лет достался блеск золота и серебра и всякого рода убранство¹³, так что никому иному не умеют люди служить, как только ей и тем, кому она улыбнется. Есть у нее тысяча зданий с башнями, открытых взору, и столько же подземных, и ни один в них угол не пустует; куда ни обратиться, насытишь глаза разными богатствами. Что же чище золота, что податливей обрабатываемого серебра, что лучистее, чем самоцветов переливы?¹⁴ Верь, однако ж, не мне, а собственным глазам, кои для того и даны каждому, чтобы судить о подобном.

8. Вдобавок у того, кому она пособляет, нет недостатка в плодородье полей, обилье скота, усладе лугов¹⁵, ни в чем, что обычно увлекает

⁹Буквально: «переплетались» (*intertexte erant*); по мнению П. Курселя, это словоупотребление отсылает к богатому тканью на ризе Философии, описываемой у Бозция.

¹⁰По аналогии с дальнейшими маргиналиями в рукописи издатели помещают здесь ремарку: «Филокосмия».

¹¹Аналогичная метафора: *Hor. Ep. I. 14. 4–5*; ср. также: *Cic. De nat. deor. I. 68*; *Cic. De fin. IV. 6* и *79*; *Cic. Tusc. IV. 9*. У Адларда она появляется снова в *Adel. Quaest. nat. 69*.

¹²Пять служанок Филокосмии воспроизводят перечень земных благ у Бозция (*Boet. Cons. III. pr. 2. 12*). Кроме того, начало этого пассажа (*Sunt mihi quinque...*) — аллюзия на речь вергилиевской Юноны к Эолу: *Sunt mihi bis septem...* (*Verg. Aen. I. 71*).

¹³Ср. *Calc. Tim. 18b*.

¹⁴Ср. *Boet. Cons. II. pr. 5. 8*.

¹⁵Ср. *Boet. Cons. II. pr. 5. 11–15*.

смертные души. Этот человек, и могущественный, и достойный, и знаменитый, и обилующий удовольствиями, и в философии зовут его сильнейшим, если придать ему хоть немного мудрости, лопнет, как спелая смоква! Без этой девы тщетною будет вся твоя слава.

9. Наконец, без этой прислужницы другая дева — что она такое, не ведаю — которую слепцы зовут Философией, побирается у дверей, таскаясь сама и своих приверженцев таская по самым презренным местам, так что на общий взгляд она теперь — одно посмешище. Вот и выходит, что последователи ее, наконец образумившись, ее отвергают и к нашей деве прилепляются, особенно сторонясь тех, кто, по их разумению, предан Философии, ибо сами они, долго ею удерживаемые, в лохмотьях бранились по улицам, и предпочитают с другими счастливыми считать деньги из собственных груд, чем поддерживать бесконечные сетования нищенствующих философов¹⁶. 10. Не ново это присловье: «Сколько хлебов раздашь, столько философов найдешь»¹⁷. Не обретая никакого утешения в себе, они друг с другом так обходятся, что один другому, будто сорока сороке, глаз выклеывает, и какую сторону ни возьми один, другой ее порицает — а вскоре ее же принимает. Из-за этого они имеют смелость объявлять свое имя, когда их о том не спрашивают. 11. И будучи таковы, они смеют говорить: «Счастлив тот, кто умел вещей постигнуть причины»?¹⁸ Пусть даже я соглашусь насчет «постигнуть», однако тот, кто ничего начатого не довершает, ничего желанного не добивается, скорее несчастлив и жалок. Да ведь они и самих вещей не постигают. Ибо лучшие из них (князи, если должно их так называть) не только в познании, но даже в способах исследования оказываются не в ладах меж собою. Один решил, что вещи надобно исследовать, начиная с чувственного; другой начал с нечувственного. 12. Один доказывает, что вещи состоят исключительно в чувственном; другой прорицает, что они существуют и помимо чувственного. И покамест один другому досаждаёт, ни один из двух не добивается доверия. А если эти для тебя не лучшие — разве Птолемей не расходится с Пифагором насчет числовых соотношений, когда показывает, что из октавы с квартой создается одно

¹⁶Известный с античности карикатурный образ бородатого философа в плаще и с сумой, более или менее шарлатана; ср. Apul. Florida. 7. Aul. Gell. Noct. Att. IX. 2. 1–7; XIII. 8. 5.

¹⁷Возможно, вариант известной пословицы «Сколько людей, столько мнений» (Quot homines tot sententiae), взятой у Теренция (Terent. Phorm. 454).

¹⁸Verg. Georg. II. 490.

созвучие?¹⁹ Разве Эпикур не учил о том, как люди видят, несходно с прочими философами, и, хотя он был весьма тонок в суждениях о зрении, разве другие не называли его слепцом в этом вопросе?²⁰ Если же эти ушли из памяти, возьми новейших и в латинском витийстве лучших — я разумею Туллия и Боэция — друг другу противоречащих в разделении частей силлогизма²¹. 13. Кому же верить из тех, кто каждодневными новоизобретениями изнуряет наши уши? Непрестанно, даже и сейчас, рождаются у нас что ни день новые Платоны и Аристотели, которые не моргнув глазом заверяют нас равным образом и в том, что знают, и в том, чего не знают. В величайшем многословии — величайшее их упование. Что больше схоже с шутовским бесстыдством, чем их притязание на знания? Они ведь говорят, что чувства ни в чем не порука и что ни глазам, ни ушам, ни прочему не должно верить. Лишись они этих способностей, иначе бы судили! О, если б они все стали слепы и глухи! И поделом. Ведь они следуют, по их словам, водительству разума, слепей которого нет ничего, так как они лгут, говоря, что видят то, что в действительности есть ничто, и что они ему преданы. По справедливости можно призвать на них проклятие:

14. Тот, кто первым²² склонил праздномыслить разум достойный,
 Дабы веровал он образам ложным вещей,
 То, что природа, полна благосклонности, соединила²³,
 Все разделяя, пленен ярью слепого вождя,
 То же, что сотворено, как ты наблюдаешь, раздельным,
 Он сопрягает в один накрепко связанный вид —
 Тот, говорю, из наших краев да будет изринут,
 С сонмищем присных влачась по непроглядным местам,

¹⁹См. Boet. De inst. mus. v. 7.

²⁰О разных теориях зрения см., напр. Macr. Sat. vii. 14, где Дисарий от имени Эпикура и Демокрита излагает теорию вхождения световых лучей в зрачок, а Евстафий — теорию истечения их из зрачка. У самого Аделарда см. Adel. Quaest. nat. 23.

²¹Два сравниваемых пассажира о пяти частях силлогизма, возможно, Cic. De inv. i. 67 и Boet. De top. diff. ii.

²²Аделард иронически трансформирует топос «первого изобретателя»; ср. у Лукреция применительно к Эпикуру (Lucr. De rer. nat. i. 66 сл., 71; iii. 2.; v. 9; vi. 1, 4). В рукописи рядом с этой строкой маргиналия: «Пифагор».

²³Рядом со ст. 3–5 в рукописи маргиналия: «Материю и индивидуальную форму».

Мрачный пусть Аполлон²⁴, учащий мрачному, в мраке,
 Держит учеников в устах скудельных речей,
 Пусть и он никому, и ему никто не поверит,
 Коль он вещей красоту речью у мира крадет.

15. Ты же, юноша, выбери лучше ту²⁵, которую я описала. А если она тебе не угодит, здесь есть еще четыре, чью природу я тебе охотно открою. Одна из них столь могущественна, что всякую обитаемую страну держит под свою державой и всевластно ставит свое клеймо на всем, что ей пожелается. Потому она и получила подобающее ей имя Могущества. Всякий раз, как ей вздумается излить свой гнев на народы, нет никого, кто бы ей воспротивился. Меч ее преград не знает. По этой причине все глядят ей в рот, так что объяви она, что вороны белы, а лебеди черны, всякий поклянется в правоте ее слов. Не только дела, но и слова ее по всему миру на перекрестках восхваляются, так что превосходит она Аммона и Аполлона прославленные оракулы.

16. Есть и другая²⁶, в некотором смысле зависимая от предыдущей; она заключает в себе всякий вид почести. Все сколько-нибудь почетное, что ни есть в мире, ей приписывается и ею производится. В ее распоряжении — диктатуры, консульства, магистратуры и прочее подобное. С каким рвением люди их домогаются, сам видишь²⁷. Ведь даже те, кто предпочитает известность, подаваемую философией, с тайным честолюбием преследуют эту девицу и, притворяясь, что так или иначе ее презирают, рады бывают напоследок до нее добраться: тут наконец они самим себе кажутся философами.

17. Есть и четвертая²⁸: сколькими перьями она покрыта, столькими очами испещрена²⁹. Она откроет тебе все, что было в прошлых веках, что ныне есть и что будет. Она понукает людей всякого возраста к славнейшим деяньям. Она Ясона заставила пытаться пучину, она Геркулеса вывела против несметных чудовищ, она Менекея толкнула действовать

²⁴«Мрачный Аполлон» (*tenebrosus Appollo*) — эпитет, противоположный обычным его эпитетам как божества света: Делий, Феб, Фанет, Ликиец, Дельфий; см. *Maer. Sat. I. 17. 32–41, 65.*

²⁵Рядом с этой строкой маргиналия: «Могущество».

²⁶Маргиналия: «Почесть».

²⁷Ср. *Voet. Cons. II. pr. 6. 1–4; III. pr. 4.*

²⁸Маргиналия: «Молва».

²⁹Ср. *Verg. Aen. IV. 181–182.*

во спасенье отчизны³⁰, она все, кажущееся невозможным, приводит в область возможного. Наконец, именно она гонит прочь тлеющую старость, обеспечивая своим приверженцам и при жизни всеместную известность, и по смерти не пресекающуюся жизнь. Поэтому небезосновательно ее последователей и древние называли бессмертными богами, и потомки почитали. 18. По этой причине, если что-то сделано достойно, людям отрадней предать это дело молве, чем было его совершить, так что и те, кто лишен природного благородства, силятся превзойти других в злодействе, предпочитая хотя бы так обрести некую славу, чем оставаться вовсе неизвестными³¹. Видишь, сколь она ценится!

19. Есть у меня и пятая³², отменно блистательная, которой всякое удовольствие подвластно. Без нее что ни будет сделано или сказано, ни делающему, ни говорящему не будет отраднo. Ей покорствуют красота, проворство, здоровье, бодрость и все, чем увеселяется элементарный мир. Она властвует над нашими чувствами, так что они предпочитают служить ей одной. Она научила людей, благовоньями умастившись, цветами увенчавшись, обонянием упиваться; она побудила медвяных и Вакховых соков отведывать; она велела глазам жаждать золота, самоцветов и прочих красот мира; она открыла уши одушевленных созданий для всех звуков, согласных в рассчитанной стройности, что греки называют *symphonia*³³; она, наконец, чтобы не было в теле ни единой части, не служащей удовольствию, всю поверхность тела облекла соблазнами для прикосновения. 20. Поэтому Эпикур, муж мудрый и нам близкий, небезосновательно определил высшее благо как удовольствие³⁴, без которого, как я сказала, что ни случается, благом не кажется.

Но довольно — ради любезной краткости ограничимся сжатою им хвалою. Ты же выбирай, какая из пяти тебе милее. Не зевай дольше в той пустой философии, в которой доньше дремал. Она существует в одних словах, услаждающих, лишь пока их слушают. Обрати свой ум к вещам, и тотчас исчезнет она со всеми своими речами»³⁵.

³⁰Менекей, сын Креонта, принесший себя в жертву ради спасения родных Фив, см. Stat. Theb. x. 610–790; ср. также Cic. Tusc. I. 116.

³¹Ср. Boet. Cons. III. pr. 6.

³²Маргиналия: «Удовольствие».

³³Ср. определение *symphonia* у Халкидия (Calc. In Tim. 44).

³⁴Ср. Boet. Cons. III. pr. 2. 12.

³⁵Ср. Boet. Cons. II. pr. 3. 2.

21. Тогда та, что справа³⁶, к сдержанному надменно возвысившись, молвит: «И этого³⁷, бесстыжая, силишься похитить у меня своими отравами, плутни свои прикрывая словами и окутывая примерами? Попробуй с другими! Пока я здесь, сегодня ты своими сетями этого не опутаешь. И чтобы себя и его избавить от такого бедствия, я сперва взвешу те доводы, кои ты против меня выдвинула. Затем будет место вкратце показать, что следует думать о твоих потаскушках³⁸, тобою расхваленных. И первым я отражу то, что ты первым против меня выставила, дабы отвагу злословить ты теряла в том же порядке, как ею наполнялась.

22. Несметные тернии, говоришь, встают в уме от моих вопросов. Однако и не несметны они, и терниями их называть не должно. Понимай это так, если разумеешь. Верховный Создатель всего, влекущий вещи к Своему подобию (насколько позволяет их природа), украсил душу умом, который греки называют *nous*³⁹. Пока душа пребывает в своей чистоте, свободная от внешнего волнения, она пользуется им в совершенстве. Она постигает не только сами вещи, но и причины их и начала причин, из настоящего выводит знание отдаленного будущего⁴⁰ и понимает, что есть она сама, что есть ум, коим она постигает, и что рассудок, коим исследует. Окутанная скудельным и илистым узилищем тела⁴¹, душа теряет немалую долю своего понимания. Но даже этот осадок элементов не может полностью отнять ее красу. 23. Ибо она ищет утраченное, а поскольку память обессилела, пользуется мнением⁴². Благодаря целокупному знанию вещей, коим она обладает⁴³, она следует за каждой вещью в отдельности, возвращая сложное к тому, из чего оно сложено. Взвешивая природу частей, если вещи сложны, она их распутывает и, добираясь наконец до простоты, с дивной тонкостью взирает на начальный вид. В обратном порядке, постепенно облекая эти

³⁶Маргиналия: «Pha» (т. е. «Philosophia»). Начинается речь Философии.

³⁷Ср. Boet. Cons. I. pr. 1. 10.

³⁸«...о твоих потаскушках...» (*de tuis [...] meretriculis*) — выражение восходит к Бозцио (Boet. Cons. I. pr. 1. 8), у которого Философия называет Муз, собравшихся вокруг скорбящего героя, «театральными потаскушками» (*scaenicas meretriculas*). Ср. ниже, II. 25, «со своими скоморошескими штуками» (*ex scaenica*).

³⁹Ср. Macr. Somn. I. 2. 14; I. 14. 6, 8.

⁴⁰Ср. Calc. Tim. 37a–b.

⁴¹«Узилище» (*carcer*) — платоническая метафора, ср. Macr. Somn. I. 10. 6; I. 11. 3.

⁴²«...а поскольку память обессилела, пользуется мнением» — ср. Macr. Somn. I. 12. 9.

⁴³Намек на платоническую теорию припоминания и перевоплощения душ; ср. Boet. Cons. V. m. 3. 22–24.

начала их формами, она приводит их к множественности сложных чувственных вещей. 24. А так как и начала конечны — иначе бы они не были началами — и слагающееся из них подчинено чувствам, сомнения, возникающие под моим руководством, не бесконечны, разве что кто-нибудь, одоленный твоими соблазнами, слепнет на самом пороге исследования.

И не следует называть их терниями, ибо природная сила не отступает от познания — настолько, что, познав внешнее, она с самой собою обсуждает себя самое и, на себя обратившись, определяет, что есть душа.

25. Ты назвала моих приверженцев побирושками: это я опровергну в дальнейшем подробнее, но знай покамест, что именно тогда они не лишены истинного созерцания вещей, когда свободны от забот о своем имении. Когда же отяготятся ими, ни своих, ни себя самих уже не узнают и перестают быть моими, твоим касаньем запятнаны. Но ты ловко пытаешься выглядеть красноречивой со своими скоморошескими штуками, выставляя меня причиной заблуждения, хотя скорее ты сама — эта причина, если, тебя коснувшись, они перестают знать самих себя⁴⁴.

26. А что ты по обыкновению своему воспламенилась против князей моего семейства, с этим надлежит покончить так же, как и со всем остальным. В исследовании вещей, говоришь, они друг другу противоречат. Это довольно остроумно. Ты пытаешься поочередно столкнуть одного с другим, оттого что на себя не надеешься в такой мере, чтобы напасть на любого из них со своими собственными возражениями, хотя их легко избавить от всякого противоречия, если понимать неукрашенные суждения столь великих мужей сообразно тому, как они ими были высказаны. Довольно будет краткого объяснения — по крайней мере, для понимающего.

27. Один из них⁴⁵, вознесенный высотой ума и теми крыльями, коими он усиленно силился облечься⁴⁶, приступил к познанию вещей от самого их начала и показал, чем они были, прежде чем войти в тела, в беседе с самим собою определяя архетипические формы вещей.

Другой⁴⁷, в искусстве опытный, дабы наставить слушателей, приобщив их своему дарованию, начал с вещей чувственных и сложных. И когда эти мужи встречаются на одной тропе, нельзя говорить, что

⁴⁴Ср. Boet. Cons. III. pr. 2. 13.

⁴⁵Маргиналия: «Платон».

⁴⁶Метафора «крыльев» восходит к Платону (Plat. Phaedr. 249c); ср. Boet. Cons. IV. pr. 1. 9; m. 1. 1; Adel. Quaest. nat. 31. 3; 69. 1.

⁴⁷Маргиналия: «Аристотель».

они друг другу противоположны. Ведь и сложению любезно деление, и делению — сложение, пока одно другим подкрепляется. Поэтому, если что в счетных разрядах абака увеличивается умножением, правильность подсчета можно проверить делением того же итога.

28. Когда один сказал⁴⁸, что мир существует вне чувственного, а другой — что только в чувственном, это надо понимать так. Род и вид (речь ведь о них) суть также названия подчиненных вещей. Ведь если рассмотреть вещи, имена «род», «вид» и «индивидуум» прилагаются к одной и той же сущности, но в разных отношениях⁴⁹. Философы, намереваясь трактовать о вещах, поскольку они подчинены чувствам и поскольку они именуются отдельными названиями и нумерически различны, называли их индивидуумами — например, Сократ, Платон и прочие. 29. Но смотря на них глубже, а именно — не поскольку они различны в чувственном отношении, но поскольку все они обозначаются словом «человек», их называли видом. Далее, рассматривая те же вещи, лишь поскольку они обозначаются словом «животное», их называли родом. Однако при рассмотрении вида не отнимают индивидуальных форм, но забывают о них, так как те не обозначаются видовым названием; а при рассмотрении рода не подразумевают, что видовые формы удалены, но не принимают их во внимание, ограничиваясь значением родового имени. 30. Ведь имя «животное» в этом случае обозначает субстанцию с одушевленностью и чувствительностью; имя «человек» включает все это, а сверх того — разумность и смертность⁵⁰; «Сократ» — все то же, с прибавлением нумерического различия акциденций. Поэтому понятие об индивидуумах открыто даже для не посвященных в науку; понятие же о видах, в самом деле, стесняет не только людей, невежественных в словесности, но даже и в самом таинстве искушенных. Ибо, привыкнув обращать глаза на различие вещей и рассматривать их длину, ширину и высоту, а также одна вещь или много, и обегать вещи, окруженные отовсюду описывающим их местом, эти люди, пытаясь рассмотреть вид, обволакиваются в некотором смысле тою же самой тьмою⁵¹. 31. Они неспособны ни созерцать самую простую черту,

⁴⁸Маргиналия: «Платон» и ниже — «Аристотель».

⁴⁹Ср. Cic. Topica. 31; Boethius. Commentaria in Topica Ciceronis. III (PL. 64, 1104D–1106D); Mart. De nupt. IV. 344; 352.

⁵⁰Ср. Mart. De nupt. IV. 349; Boethius. Commentaria in Topica Ciceronis. III (PL. 64, 1101D).

⁵¹«...тою же самою тьмою» — что и люди совершенно невежественные.

не вдаваясь в различия по числу и месту, ни подняться до простой импозиции⁵² видового имени. Поэтому кто-то за беседой об универсалиях, уставившись ввысь, сказал: «Кто мне покажет, где они помещаются?» Настолько воображение расстраивает рассудок и словно с какой-то завистью противодействует его тонкости. Но так дело обстоит у смертных; ведь божественному уму, который сию самую материю облакает столь многообразным и тонким покровом форм, доступно знать и материю без форм, и формы без иных форм, и более того, все вещи вместе с прочими знать отчетливо без помех, доставляемых воображением. Ведь прежде своего сложения все вещи, которые ты видишь, были просты в самом нусе. Но как и для чего они были в нем, это требует более тонкого рассмотрения и должно обсуждаться в другом месте⁵³. А теперь вернемся к нашему предмету.

32. Итак, поскольку одна и та же вещь, которую ты видишь, есть и род, и вид, и индивидуум, Аристотель справедливо утверждал, что это все существует лишь в чувственном. Это ведь и есть сами чувственные вещи, хотя тоньше рассмотренные. А так как эти вещи, поскольку они называются родами и видами, никто не может точно и чисто постигать без помощи воображения, Платон сказал, что они постигаются и существуют вне чувственного, то есть в божественном уме. Таким образом, эти мужи, хотя и кажутся противны друг другу в своих речах, на деле, однако, думали одинаково. Я, однако, не режу до живого⁵⁴, дабы очистить все речи всех мужей от обвинения в ложности. Ведь как твои поклонники в своих блужданиях иной раз натываются на частицу истины, так и некоторые из моих заблудились и сделались из-за этого моими противниками. Искоренив эти затруднения, приступим к тем словам, что ты кидала о суждении чувств.

33. Чтобы превознести чувства, ты назвала разум, сколько я помню, слепым вождем. О извращенное превращение дел, тогда как ничего нет вернее разума, ничего обманчивее чувств! Во-первых, чувства ведь

⁵²О материальной импозиции см. ниже, II. 49.

⁵³Обсуждение этих вопросов («о Боге, о нусе, о hyle, о простых формах, о чистых элементах») обещано Аделардом в самом конце *Quaestiones naturales*, но не осуществлено или не дошло до нас.

⁵⁴Т. е. «не докасаюсь до строгого смысла»; выражение заимствовано у Цицерона (*Cic. De amic. 18*): «Но прежде всего я думаю, что дружба возможна только между честными людьми, и говорю это не в прямом смысле (*neque id ad vivum reseco*), как те, кто рассматривает эти вопросы более тонко...» (пер. В. О. Горенштейна). То же выражение: *Adel. Quaest. nat. 6. 6.*

бессильны и в самых больших, и в самых малых вещах. Кто когда-нибудь охватил взором пространство неба? Кто звон его и небесное созвучие умел уловить слухом? Кто малость атома различил оком? Кто приметил слухом звук, порождаемый столкновением сих атомов? Но обратимся, как говорится, к грубой Минерве⁵⁵. Если ты издали завидишь очертания фиги⁵⁶, необходимо ли, чтобы это была именно фи́га? Есть ведь и другие вещи, сходные по очертаньям, но по сущности отличные. Если же прибегнешь к осязанию, есть и другие тела такой же мягкости. Обращаешься к обонянию — 34. но запах фиг мог быть усвоен случайно от соприкосновения с ними. Таким образом, надобно попробовать на зуб. О, сколь прекрасный довод, более псам подобающий, чем людям! Но и ему не следует доверяться, затем что он весьма часто обманывает. А то, что обманчиво, может натолкнуться на истину, но доказательств дать не может. Посему из чувств способно выйти не знание, но только мнение. Из-за этого-то друг мой Платон и называет чувства неразумными.

Во-вторых, чувства не только не ищут истины, но даже насильно отводят наш дух от ее поиска. 35. Стоит душе остановить взор на каком-либо понятии, тут или звук в ушах раздастся, или свет бьет в глаза, или еще какое-то движение ее беспокоит. И когда чувственное возмущение набегаёт на самое местопребывание души, та, теряя силы, прекращает разыскания. Поэтому всякий раз, как нам требуется вынести важное суждение, мы выбираем уединенное место, где чувства нам меньше помешают. Отсюда и то, что во сне душа, будучи некоторым образом свободнее от беспокойства, доставляемого чувствами, изощряет свою проницательность и даже относительно будущих дел иной раз улавливает правду или что-то правдоподобное, и перед зарей меньше обманывается, меньше стесняемая уже переваренной пищей⁵⁷. До такой степени чувства, владычествуя, душат истину. Посему мой

⁵⁵Пословичное выражение: делать что-либо *pingui* (или *crassa*) *Minerva* значит делать неумело, безыскусно; «с грубой Минервой» (*crassa Minerva*) говорится о тех, кто берется за дело, которого не в силах исполнить», говорит Акрон в комментариях к Горацию (Сатиры. II. 2. 3). Аделард заимствует это выражение у Цицерона (*Cic. De amic. 19*). Ср. *Adel. Quaest. nat. 37. 1; 57. 2*.

⁵⁶*Macr. Sat. VII. 14. 22* обсуждает подобную проблематику на примере яблока.

⁵⁷Та же мысль: *Cic. De div. 1. 60 и 115; Ov. Her. 19. 195 сл.; Plin. Hist. nat. X. 98. 211; Macr. Somn. 1. 3. 4 и 18; Calc. In Tim. 249 и 251*.

дорогой Платон говорит: «Это их мнение, полное заблуждения и ложности, происходит от порчи, причиняемой чувствами, и такое скитание не имеет надежного вожатая»⁵⁸.

36. А поскольку дело обстоит так, предусмотрительность Художника, желая их исцелить, поставила над ними вожатаем и господином разум, помещенный в мозг. Со своей способностью к определению он исправляет все, в чем чувства погрешают, и показывает, чем является всякая вещь, или определяя ее субстанцию, или описывая акциденции. Итак, дело повернулось вопреки твоему утверждению: чувства слабы и разум — господин, вот что мы видим.

Наконец, чувства не могут чувствовать, как они чувствуют и что они суть. Это очевидно не толпе, которая не умеет сомневаться, но одним философам, чей вожатай — разум. И не стыдно ли тебе так бесстыдно превозносить чувства, хотя они даже не могут чувствовать, что они суть? 37. По этой причине они достойны скорее проклятия и ненависти.

Всякий, кто небрежет светильником лучшего ока,
 Не доверяя тому, что его чувства неймут,
 Пусть, покинут лучом рассудка, его отличавшим,
 Шею под тяжкое он склонит фортуны ярмо⁵⁹,
 Пусть над именем своим никогда не будет он властен⁶⁰,
 Щедрость не явит другим, пользу — себе самому.
 Пусть он не знает равно семена вещей и причины —
 Да и себя, полонен страстью к прелестному злу.
 Пусть не узнает, почто одни сторонятся светила
 Взоров, другая же их не убегает звезда;
 Среднее место земля почему заняла и не подается,
 Хоть легло на нее грузное бремя вещей⁶¹;
 Вёсны, осени, зимы что красят, полнят, сжимают
 Нивы, дома, ручьи злаками, жатвою, льдом.
 Света лишенный, пускай он ложь вместо истины ищет,
 Ибо причины вещей он объявляет ничем»⁶².

⁵⁸Calc. Tim. 44a.

⁵⁹О «ярме Фортуны» ср. Boet. Cons. II. pr. 1. 16; III. m. 1. 12.

⁶⁰Ср. Boet. Cons. II. m. 2. 19; III. pr. 3, m. 3.

⁶¹Ср. Boet. Cons. III. m. 9. 12; IV. m. 6. 24.

⁶²Ср. слово nihil, заканчивающее стихотворение, у Боэция (Boet. Cons. II. m. 3. 18). В целом с тематикой этого стихотворения ср. Boet. Cons. I. m. 2. 6–23; I. m. 6; III. m. 9; IV. m. 6.

38. Тут, пока она немного переводила дух, я, долго с нетерпением ждавший возможности сказать, разразился такими речами:

«О вожатай истинного познания, прошу, позволь лучше мне сразиться с этой бахвалкой! Ведь и для меня одолеть ее покажется задачей немалой, и для тебя эта победа ясно покажет, сколь много ты над нею властен. Ибо я ничуть не сомневаюсь, что выйду победителем, так как держу в уме то, о чем ты недавно не без благоразумия рассуждала в утешении твоему другу⁶³, и из тех доводов не промедлю соткать другие, не менее убедительные, разум имея моим вожатаем. Посему я теперь намереваюсь не просто прогнать ее отсюда вместе со свитой, но еще показать, что эти самые девицы, чьим окруженьем она горда и чьими вожделенными соблазнами⁶⁴ приманивает беспечных, должны быть скорее в твоём распоряжении. Вот мои доводы.

39. Когда телесная громада чувственного мира божественным провидением Создателя обрела форму с различными качествами, оставалось еще отыскать нечто иное извне, что придавало бы миру движение, возрастание и прочее в этом роде⁶⁵. Ведь хотя сами тела различались по весу, но не могли в себе самих обрести необходимое возрастание и произвольное движение, так как их начала были косны и неподвижны⁶⁶. Итак, разом ли и за один раз всемогущая Воля устроила это со всем прочим — каковой способ действия трудно проследить рассудком — или же, сама будучи неизменяемой, допустила некоторое промедление в создании вещей, пожелала, чтобы природа, преизобилующая всеми способностями, была доступна нуждающимся в этом телам, и чтобы этой природой была душа, а так как ее силы выше телесной природы — чтобы она также была бестелесной. 40. Потому Философ в „Тимее“ говорит: „Но бог велел, чтобы по древности своей и силам душа превосходила телесную природу, и пожелал, чтобы она была госпожою и обладала преимущественной властью над тем, что она охраняет“⁶⁷. Если же, как утверждает Философ, Бог пожелал, чтоб она господствовала над телом, несомненно, что она могла это делать. Иначе Бог бы этого не пожелал.

⁶³Намек на Бозция и его «Утешение».

⁶⁴Тем же словом «соблазны» (*illicebrae*) применительно к Фортуне пользуется Бозций (*Boet. Cons. II. p. 1. 10*).

⁶⁵Ср. *Calc. Tim. 34a–36e* и цитаты из «Тимея» у Аделарда ниже, п. 40–41.

⁶⁶О душе как начале и причине движения мира см.: *Calc. Tim. 34c*, а также *Calc. In Tim. 56–57*.

⁶⁷*Calc. Tim. 34c*; ср. *Adel. Quaest. nat. 14. 3*.

Телесная же природа в сущности своей изменчива, она усваивает и большее, и меньшее, и среднее. Итак, несомненно, что эта душа наделена гневом и вожделением, чтобы она стремилась с гневом исправлять крайности избытка и недостатка и с вожделением держаться середины, ибо ее собственная сущность, не уклоняясь ни в какую сторону, сама себе совершенно равная, не знает в себе ни большого, ни малого. 41. Но сами ее силы — я имею в виду гнев и вожделение — были иногда склонны отпадать или отклоняться от своей умеренности, подстрекаемые телесными страстями. Рассудок, таким образом, был необходим душе, чтобы призывать их обратно, и от нее не отлучался. Об этом знает и Философ, говорящий: „Сначала ощущение возбуждается сильными страстями, после чего рождается вожделение, смешанное из желания и страдания, а затем страх, гнев и прочие волнения, их спутники, продвигающие их чувствами, разнящимися сообразно их природе. Если души обуздают их и подчинят, то будут вести жизнь праведную и тихую“⁶⁸.

42. Итак, душа, во всех своих частях совершенная⁶⁹, привита⁷⁰ телесным членам, чтобы править элементарной вселенной. Но это ей, как я сказала⁷¹, отнюдь не легко и не сподручно. Ведь при самом своем входе в тело она претерпевает немалый урон в своей божественности, так что потом этот элементарный осадок, который она как госпожа должна охранять, она в ослеплении предпочитает и себе самой, и Творцу, забыв как о своем начале, так и о конце⁷². Тогда тех самых богатств, которые ты чуть раньше бесстыдно превозносила, она, опьяненная, неумеренно домогается, так что пока эти драгоценные несчастья — коим она сама приписала ценность⁷³, ведь сами по себе они ее не имеют, только если считается, что имеют, — пока, повторяю, копит она эти драгоценности, нет у нее рассудка, нет различения истины и лжи. Наконец — и это худшее из ее заблуждений — в этом убожестве она без сомнений утверждает, что с нею все счастливо и благополучно⁷⁴.

⁶⁸Ср. Calc. Tim. 42a–b; цитата у Аделарда содержит две ошибки, часто обнаруживающиеся в рукописях «Тимея»: voluntate («из желания») вместо voluptate («из удовольствия») и promoventes («продвигающие») вместо permoventes («волнующие»).

⁶⁹Ср. Calc. Tim. 32d; Boet. Cons. III. m. 9. 9.

⁷⁰Та же метафора — в Calc. Tim. 42a: «И когда души по необходимости прививаются (inserentur) телам...» Ср. Adel. Quaest. nat. 6.

⁷¹См. II. 22–23.

⁷²Ср. Boet. Cons. I. pr. 6. 10–16.

⁷³Ср. Boet. Cons. II. pr. 5. 28.

⁷⁴Ср. Boet. Cons. II. pr. 4. 21.

43. Довольно об этом. Что до тех девиц, коих ты дальше описала не менее убедительно — разумею могущество, достоинство, славу, удовольствие — я должна не только осудить их порочность, но и обнажить ее. Они ведь обессиливают свет разумного превосходства и обращают человека в скотину, погружая его в ночь неведения о себе⁷⁵, так что душа не в силах видеть, что она есть. Поэтому, если некоторые из сих заблудившихся когда-нибудь образумятся, они не станут отрицать, что каждая из них полна самых острых страстей.

Итак, для души, сдавленной сими узами в тюрьме плоти, есть среди всех лекарств одно, коим она может вернуть себя себе и вернуться домой, а именно учение сей самой философии, а также искусства, называемые свободными. Ведь душа, будучи всецело у себя, свободная от сбивающего с пути заблуждения, произвела эти искусства своей тонкой мудростью и, не вполне доверяясь устному слову, велела предать их писаной памяти, дабы с их помощью ее собственный свет, случись ему потускнеть, мог засиять снова, опасаясь — правдивая пророчица — как бы в дальнейшем не случилось с ней того, что она предвидела. 44. При всяком своем отпадении от истины она, если вновь взглянет на сии искусства, поднимается из своего падения. Ведь в них она располагает тем, чем сама обязана Создателю и чем все прочее обязано ей, — общими чертами вещей и их различиями, совершенно отчетливыми. Внимательно их пересматривая, она, узнавая самое себя, не только избавляется от бремени вещей, ее тяготящего, но и все телесное, насколько позволено природой, ненавидит и презирает, всяческого блаженства исполненная, когда себя и Создателя своего познает благодаря созерцанию. Таким образом, у нас есть противное твоему заблуждению правдивейшее определение, а именно, что я и прочие блаженны, когда прилежим к помянутым искусствам, но несчастны и потеряны, если подчинимся твоим, которыми ты хвалишься, и для нас уже несомненно, что эти девы сами должны подчиняться рассудку. Посему ты должна позволить этой жене и ее спутницам править ими».

45. Пока я утверждал это в беглой речи и с душевным пылом, она, ошеломленная неким стыдом, закрыв лицо своею ризой, понемногу отступила вместе со своими девами⁷⁶ и меня, готового еще говорить, оставила на середине речи. Тогда та, что была справа со своими спутницами, не без умеренности радуясь, меня, их приветствующего, окинула

⁷⁵Ср. Boet. Cons. II. pr. 5. 29.

⁷⁶Ср. уход толпы Муз у Боэция: Boet. Cons. I. pr. 1. 12.

полным благосклонности взором и выразила расположение своей души в таких речах:

«Не бесславным, о юноша, одарил ты меня триумфом: давно уже я чаяла этого от тебя, с той поры, когда ты еще отроком»⁷⁷ с великою страстью впивал мои уроки. Теперь же, поскольку и меня и себя избавил ты от столь великого чудовища, не подобает, чтоб ты ушел без подарка. По таковому началу судя, без сомнений я могу надеяться на тебя и в остальном.

Итак, есть у меня сии семь девиц, коих природу и нравы я изложу по отдельности, чтобы ты мог выбрать на основании собственного суждения, какая из них тебе предпочтительней. Ведь охватить всех их разом может быть выше твоего разума.

46. Сия первая⁷⁸, которую ты видишь с ферулой в правой руке и с книгой, испещренной бесчисленными исправлениями, в левой, одна вскармливает тех, кто входит в свободные искусства, в их колыбелях и первым молоком их напоят: без сей пищи тщетно ты будешь стремиться к мудрости, так что непричастные ей, каким бы благоразумием ни были наделены, за всем тем небезосновательно именуется косноязыкими. Насчет же тех, кто был пойман ее сетью⁷⁹, не сомневайся, что насколько люди превосходят скот даром разума⁸⁰, настолько эти превосходят прочих людей разумным искусством речи⁸¹. 47. Ведь она, когда смертные поначалу скитались всюду по полям на звериный лад⁸², без обоюдной учтивости и не умея друг другу сообщить своих познаний о себе и окружающих предметах, — она, повторяю, впервые установив имена отдельным вещам, одарила смертных благом обмена речами.

Сколь трудным то было делом, ты поймешь, если размыслишь, ибо вещи не только бесконечны, но и требовалось их называть то сами по себе, то в сочетании, то сообразно пониманию их как универсалий, то сообразно тому, как они, подчиненные чувствам, находятся в зависимости от индивидуальных свойств. 48. Например: то, что в данном теле —

⁷⁷Ср. Boet. Cons. I. pg. 2. 2: «Не ты ли это, некогда вскормленный моим молоком?» (ср. у Аделарда ту же метафору ниже, п. 46).

⁷⁸Маргиналия: «Грамматика».

⁷⁹Метафора «сети» применительно к риторике: Macr. Sat. VII. 9. 10; «сети доводов» (argumentationum retia): Hieronymus. Commentaria in Epistolam ad Titum (PL. 26, 595D).

⁸⁰Ср. Cic. De inv. I. 5.

⁸¹Ср. Alcuinus. Dialogus de Rhetorica et Virtutibus: «Весьма отличается от других тот, кто говорит, сообразуясь с грамматикой» (PL. 101, 921C).

⁸²Ср. Lucr. De rer. nat. V. 932.

акциденция, будучи воспринимаемо само по себе как некая субстанция безотносительно к телу, именуется белизной, относительно же его бытия в предмете обозначается словом «белое». Равным образом разумное животное, на которое ты глядишь, рассматриваемое применительно к универсальному субстанциальному определению, понимается как «человек», а выделенное единичным описанием именуется «Сократ». Одев таким образом вещи именами, самим именам она придала (*imposuit*) другие имена, дабы их различие меж собой не было скрыто и их многовидная бесконечность, будучи исчисленной, поддавалась познанию. Эту совокупность она с дивной пронизательностью свела к числу восьми частей речи, достигнув подлинного совершенства в импозиции, так что слово может обозначать как вещь, так и слово. 49. Например, в высказывании «человек идет» слово, выступающее подлежащим, указывает на вещь, которая идет. Но когда я предлагаю высказывание «человек есть имя», слово, выступающее подлежащим, обозначает не вещь, но слово. Именуя это слово, «человек», посредством него самого, я указываю, что оно обладает свойством имени. Отсюда происходит та трудность, что в подлежащем обозначающее и обозначаемое — одно и то же; некоторые потом назвали это «материальной импозицией»⁸³.

Та же девица, одного из своих близких достойно напитав своими наставлениями и начав свои уроки с буквы, научая свивать буквы в слоги, слоги в слова, слова в законченные предложения, стяжала себе широкую и вечную славу. Это у латинян. Но будь кто-нибудь способен охватить ее искусство в целом, и от него не укроется ничто, содержащееся в писаниях, распространенных греками или варварами и всеми вообще смертными. Видишь, сколь она важна; я могла бы еще много молвить в похвалу ей не меньше достойных вещей, однако ж она тебе довольно известна, и мне следует с такою же краткостью обозреть прочих.

50. Той же, которую видишь второй⁸⁴, с веселым лицом, с приятностью и уверенностью возвышенного чела, словно приготовившуюся говорить, на чьей ризе выткано все, что может стать предметом политических прений⁸⁵, ни мне, ни кому другому, полагаю, не будет легко

⁸³О материальной импозиции см. Boethius. In *Categorias Aristotelis* (PL. 64, 159). Подробнее об этом понятии между диалектикой и грамматикой см.: Adélarde de Bath, 2016: 337.

⁸⁴Маргиналия: «Риторика».

⁸⁵Марциан Капелла (*Mart. De nupt. v. 426*) говорит, что одеяние Риторике «несло на себе образы всего» (*cunctorum schemata*). Выражение «политические прения» (*disceptatio civilis*) заимствовано у Цицерона (*Cic. De inv. I. 7*).

воздать достаточную хвалу. Ведь когда люди, как выше сказано, начали взаимно сообщать свои мысли, она, в свой черед постаравшись, украсила всякую речь искусственных сладкоречивым убранством речений и сентенций, с остроумием столь же быстрым, как то, с каким речи были изобретены. Вследствие этого люди, жившие прежде без порядка и закона, столь могущественным наущением были приведены к гражданству и общинному правосудию⁸⁶. Посему все благородное, что происходит из гражданского согласия, следует, я полагаю, приписывать этой девице.

51. Далее, кто усомнится, с какою силой удерживает она нынешних тиранов от неразумных порывов, если она первою подтолкнула смертных, закоснелых во всякой дикости, к человечности и содружеству? Вполне сознавая сию ее силу, Сократ⁸⁷ приписал все устройство государства ее руководству, подчинив три вида споров трем родам риторики. Если оно ведется на Капитолии, это дело совещательное, если на Марсовом поле — показательное, если на форуме — это называется судебное. Засим тот же философ, углубляясь в предмет, разделил свое построение на пять частей, научая находить доводы, найденное располагать, расположенное излагать, в изложении пользоваться памятью и произношением⁸⁸. 52. Если эта дева наставляет кого-нибудь в таких вещах сполна, в какого бы содержания дело он ни вступался, она дает ему выйти победителем, придавая такую вескость убеждению, что если она, внушив судейским умам благосклонность к обвинению, станет затем на противную сторону, то, по всей вероятности, столь же убедительно отстоит защиту. Посему греки, ставя ее перед прочими искусствами, называли ее риторикой, то есть красноречием⁸⁹. Конечно, любой будет ею вооружен, друзьям любезен и недругам страшен, ибо она не только в философе замечательна, но и среди чуждых словесности чаще спрашивают совета у того, кто по большей словоохотливости кажется красноречивей прочих. Потому-то в большинстве собраний говорливую деревенщину предпочитают молчаливому философу.

⁸⁶Ср. Cic. De inv. I. 2; Cic. De legg. I. 62; Cic. De or. I. 33; Cic. De off. II. 15; Cic. De nat. deor. II. 148.

⁸⁷У Цицерона (Cic. De inv. I. 7) — Аристотель.

⁸⁸Эти разделы риторики: *inventio*, *dispositio*, *elocutio*, *memoria* и *actio* (*pronuntiatio*). Цицерон (Cic. De inv. I. 9), говорит, что это членение на пять разделов приводят «многие».

⁸⁹Видимо, здесь смешение двух формулировок: ср. Cic. De inv. I. 6: «Красноречие, которое называют риторикой» и Isid. Etym. II. 2: «Эта наука изобретена греками».

53. Сколь сильна она в философе, не следует сомневаться — особенно тебе, ведающему, сколь великою она Туллия славою разгласила, почестью отличила, достоинством возвысила, изошрив язык его, словно клинок, и сделав его для всех сограждан грозным. И могущество ее пред императорами столь же несомненно, ибо ты читал в его речах, чего он добивался пред Цезарем: тому самому человеку, что объявлял себя сторонником враждебной партии и почитал Цезаря врагом государства, сей последний благодаря лишь примиряющему красноречию даровал свою дружбу. Затем Марка Марцелла он как оратор восстановил в его сани; Квинта Лигария как защитник избавил от смертного приговора; Дейотара спас от Цезаревой ненависти⁹⁰. 54. Одни из них сеть измены расставляли императору, другие же высказывались за выступление против его войск. Но не находилось у Цезаря обвинений, когда Туллий был защитником, не находилось запрещений, когда такое витийство просило о снисхождении. Так, себя самого забывая, Цезарь, коего тысяча воинств не смущала, пред оратором лишался духа. Насколько он, победитель, был превосходней побежденных, настолько ему, побежденному, должно предпочесть оратора. Посему и сам Туллий, иногда себя похваляя, говорит: «Того оружие пускай и лавр языку пусть уступит!»⁹¹. Ведь и среди неприятелей этот язык так был важен, что сделался ценою мира для всей державы, и с Цезарем Антоний не медлил войти в союз, если только уступят ему язык оратора⁹². Он ведь страшился его красноречия больше, чем римского оружия, и в мире с Цезарем не мог быть безопасен, пока писал против него Туллий.

55. Итак, несомненно, что великой важностью обладает она, столь возвеличивающая своих людей. Хорошо это понимая, Аристотель много времени посвящал ее наставлениям, научая, что всякое дело относится или к почтенному, или к необыкновенному, или к ничтожному, или к сомнительному, или к темному роду⁹³, показывая, каковы сходства

⁹⁰Намек на три *orationes Caesarianae* Цицерона, произнесенные в 46–45 гг. до н. э.: «В защиту Марцелла», «В защиту Кв. Лигария», «В защиту царя Дейотара».

⁹¹Аделард цитирует стих из цicerоновской поэмы «О своем консульстве» в том виде, как его приводит Квинтилиан (*Quint. Inst. XI. 1. 24: Cedant arma togae, concedat laurea linguae*); сам Цицерон (*Cic. De off. I. 77*) цитирует его иначе: *Cedant arma togae, concedat laurea laudi*.

⁹²О том, как Марк Антоний добивался смерти Цицерона и радовался ей, см., напр.: *Plut. Cic. 46–49*.

⁹³См. *Cic. De inv. I. 20*.

и различия отдельных частей дела и как в каждом случае — ведь не одинаково во всех — следует начинать речь. На сей странице прибавляется и ясное изложение того, каким способом в постыдной разновидности необыкновенного рода вызывать в слушателях благосклонность, восприимчивость, внимательность, а к противникам — ненависть, зависть, презрение⁹⁴, что в любом разбирательстве такого рода приносит немалый плод. 56. Тот же философ не умалчивает и о подразделении оных видов, говоря, что всякий статус (*constitutio*) дела — или предположительный, или определительный, или общий, или переносный⁹⁵, и если каждый рассматривать без неприязни, он окажется полным приятности и привлекательности. Мудрый человек приложил усилия точно определить эти и прочие правила сей науки, разумея, сколь великая польза и почесть — учитывая благородство предмета — благодаря сим предписаниям достаются человеку, в них искусному. Довольно о ней сказано; перейдем теперь к остальным.

57. Эта третья⁹⁶, которую ты видишь, со змеею в правой руке, а в левой с книгою, в которой начертаны как бы десять разделений⁹⁷, после помянутых дев совершенно необходима смертным. Она ведь разборчивостью своих определений устраняет всякую двусмысленность и сомнение, какие обыкновенно рождаются из наставлений двух помянутых дев, и запутанную невнятицу приводит к ясному решению. Строгими разделениями исключая всякий словесный обман, она развязывает софистические узлы и вычеканивает истину, научая, что все, что может быть в словах обманчивым, или равноименно, или единоименно⁹⁸, или относится к иной части, времени, отношению и способу, что Боэций в *Категориях* не счел возможным опустить⁹⁹. Под ее началом — нахождение и суждение, с помощью коих она разрешает все распри, возникающие в ее деле. 58. Когда предлагается вопрос, она по первом же рассмотрении решает, какой стороны следует держаться, а какую отвергнуть. Чтобы подкрепить свое суждение, она неустанно находит топоры с доводами,

⁹⁴См. Cic. De inv. I. 22.

⁹⁵См. Cic. De inv. I. 10.

⁹⁶Маргиналия: «Диалектика».

⁹⁷Сходное описание Диалектики: Mart. De nupt. IV. 328.

⁹⁸*Равноименно* (*equivocum*) относится к случаям, когда звучание слова одно, а значений несколько (омонимы), *единоименно* (*univocum*) — к изменению смысла слова в зависимости от контекста (например, благодаря метафоре), причем слово сохраняет свое исходное значение.

⁹⁹См. Boethius. *Introductio ad syllogismos categoricos* (PL. 64, 761–794).

хотя бы некоторым и казалось, что нахождение предшествует суждению. Тонким изысканием она разделила целокупность всего зримого на десять природ, объявляя, что есть только десять способов, коими совершенно разные вещи различаются по природе, которые впоследствии назвали также «десятью категориями»¹⁰⁰, и к каждой категории она относит и роды, и виды, и особей. 59. Она показывает, что из этих родов одни самые общие (*generalissima*), другие — подчиненные, также и из видов одни — самые общие (*specialissimae*), другие подчиненные; сим славнейшим путем ходя попеременно, она то восходит от индивидуумов через посредствующее к самому общему, совлекая — а скорее забывая — свойства, то от самого общего тою же стезей, заново обвивая каждую вещь ее формой, спускается до самых индивидуумов. Касаясь общих природ вещей дивной тонкостью своего света, она старается узреть их, как они замыслены в уме Художника до начала времен; рассматривает акциденции безотносительно к субстанциям; разделяет и различия самих акциденций, полагаясь на свою тонкость, так что острыми и колкими доводами, как змея, неожиданно застигает других и, безопасная под защитой, доставляемой определением, презирует чужие жала.

60. Посему ее приверженец не будет в неведении, какое высказывание истинно, какое ложно, а равным образом — какое из них отличается бесспорной истиной или ложностью, а какое — недостоверной и сомнительной; кроме того, какой из доводов вероятный, какой необходимый, какой софистический; из топосов — какие внутренние, какие внешние, какие посредствующие; из разделений — какие по себе самому, какие по акциденции; из определений — какие субстанциальные, какие акцидентальные; а также будет знать разновидности, фигуры и модусы силлогизмов. Напитанный ее изощренностями, Аристотель, всякий раз как хотел позабавиться¹⁰¹, был столь же способен, в софистике искусный, вывести пред другими ложное заключение, как другие — защищать пред ним истину¹⁰². 61. Прочие искусства, опираясь на помощь этого,

¹⁰⁰Ср. Boethius. *Dialogi in Porphyrium*. I. 5: «[Аристотель] написал книгу о десяти положениях (*praedicamentis*), которые у греков именуются *kategoriai*» (PL. 64, 14A).

¹⁰¹Представлением об удовольствии, какое Аристотель получал от игр с диалектическими тонкостями, Аделард, возможно, обязан Макробию (*Macr. Somn.* II. 15. 18 и 23; II. 16. 15).

¹⁰²Это единственный в трактате пример злоупотребления диалектикой; Аделард выглядит настроенным не так критически, как Цицерон или Марциан Капелла, к софистическим тонкостям и ловушкам греческой эристики, ср. *Cic. De fin.* III. 3; IV. 74 и 79; *Mart. De nupt.* IV. 329 и 331 (Adelard de Bath, 2016: 350).

пребывают неколебимы в своих суждениях, а без него шатаются и не знают стойкости. Посему в том, что касается способности рассуждать, у нынешних особенно почитаются те, кто в этом искусстве выделяется среди прочих. И поскольку доселе шла речь о тех трех, чьи предписания касаются слова, стоит труда молвить и об остальных четырех, кои трактуют о самих вещах.

62. Первая из них¹⁰³, неким преимуществом превосходящая остальных трех, кои на нее опираются¹⁰⁴, на чем платье ты видишь вытканными несметные начертанья, обозначающие числа, управляет и устроит все, что попадает под различие посредством числа. Посему все зримое, будучи подчинено числу, по необходимости подчиняется и ей. Ведь все, что есть, — или единое, или многое. И саму безмерную целокупность мира она очерчивает границей, твердой для нее самой и для природы. Пренебреги нею, и множество отдельных вещей сделается неопределенным и смутным, что легко понять: если кто сможет начисто забыть число своих вещей, то будет думать о них бессвязно и без различения. Посему я не только говорю, что она необходима стоящим подле нее девицам, но и не сомневаюсь, что ее следует поставить перед всеми сущностями, ибо она отнимает у них смутность и дает им различаться. 63. Ведь число, природу которого она и познает и раскрывает, настолько прилегает к самим вещам, что все, приведенное в порядок из некоего первоначального смешения¹⁰⁵, как представляется, получило свою красоту¹⁰⁶ по сходству с числом и по его примеру. Понимая это, Ксенократ и душу определяет как число, говоря: «Душа есть самодвижущее число»¹⁰⁷. То, что столь великий философ выразил с такою краткостью, для тебя, может быть, сомнительно. Неужели он думал, что число не отличается от души?

¹⁰³Маргиналия: «Арифметика».

¹⁰⁴О том, что остальные дисциплины квадривиума нуждаются в помощи арифметики, см. Isid. Etym. III. 1. 2.

¹⁰⁵Ср. Boet. De inst. arithm. I. 1. 8; I. 2. 1–2, а также Прем. 11:18: «Всемогущая рука Твоя, сотворившая мир из безвидного вещества (ex materia invisа)» и 21: «Ты все расположил мерою, числом и весом».

¹⁰⁶Не обращаясь к термину «космос» (который, однако, обнаруживается в имени Филокосмии), Аделард выражает семантику греческого слова, используя слова *ordo*, «порядок», и *decus*, «украшение, красота», в частности, благодаря Боэцию (ср. Boet. De inst. arithm. I. 1. 8; I. 9. 5, 13; I. 32. 1). Ср. также Calc. In Tim. 31; Isid. Etym. XIII. 1. 2 (Adélarde de Bath, 2016: 350).

¹⁰⁷Ксенократ (396–314 до н. э.) возглавил Академию после смерти Спевсиппа (339 г.). Источник сведений Аделарда — Маск. Somn. I. 14. 19: «Ксенократ сказал, что душа есть самодвижущее число».

Неужели он считал, что акциденция по сущности тождественна своему подлежащему? Неужели он впал в такое заблуждение, что если число сложно, то и душа сложна? Ничуть! 64. Но поскольку в вещах он не нашел ничего со столь достойной сущностью, как число, то в поисках, с чем сравнить душу, уподобил ее числу — и даже, привязавшись к этому сходству, назвал ее числом. Чтобы, однако, какой-нибудь ловец слов не истолковал этого так, что душа в своей сущности есть то, что о ней сказано, он прибавил: «самодвижущее», дабы, поскольку никакое число само себя не движет, душа же самое себя движет¹⁰⁸, мы понимали, что она не число, но настолько достойнее всего прочего, сколь число достойнее ее самой. Но вернемся к нашему предмету.

65. Сему-то самому числу, повторяю, наставляет и его открывает описываемая мною дева. Чтобы подступить к ней ближе — она та самая, которую греки, во всех искусствах подвизающиеся, назвали «арифметикой», как бы «силой числа»¹⁰⁹, понимая и то, что преимущественная сила вещей — в числах, и то, что она как госпожа властвует над искусством весьма достойным. Сперва она определяет число и устанавливает, что оно есть собрание единиц или скопление количества, стекшееся из единиц¹¹⁰. После определения, которое должно предшествовать первому пункту всякого рассуждения, она прибавляет разделение, деля числа на четные и нечетные, а затем сами эти виды различает тонким определением сообразно противоположным качествам двух родов — я имею в виду, множества и величины. 66. Далее она подразделяет сами виды, научая, что из четных чисел одно — четно-четное¹¹¹, другое — четно-нечетное, иное — нечетно-четное; первым видом этого подразделения называется тот, части которого при подразделении делятся на четные вплоть до самой единицы; под четно-нечетным понимается тот, который на первом шаге делится на равные числа, но частные скоро оказываются неделимыми; под нечетно-четным — тот, что делится поровну и частные тоже четные, однако до единицы это деление не доходит, останавливается раньше, так что не только первый его результат делится поровну и не только последний не поддается делению. 67. Какое удовольствие

¹⁰⁸Ср. Calc. In Tim. 56: «нет ничего самодвижущего, кроме души».

¹⁰⁹Та же этимология находится у Гуго Сен-Викторского (Didascalicon. II. 7): «Греческое слово *ares* переводится на латынь как „сила“ (*virtus*); *rithmus* — „число“; отсюда название „арифметика“, т. е. „сила числа“. Сила числа в том, что все создано по его подобию». Более распространенная (и точная) этимология от *arithmos*: Isid. Etym. III. 1. 1.

¹¹⁰Ср. Boet. De inst. arithm. I. 3.

¹¹¹Ср. Boet. De inst. arithm. I. 8. 1; Macr. Somn. I. 5. 17.

доставляет это понимающим, открыто взору в той числовой таблице, которую Никомах и его последователи назвали «удивительной»¹¹². Другой вид числа сия девица не менее тщательно делит натрое, говоря: «Из нечетных чисел одно — первое и не составное, другое — вторичное и составное, иное же некоторым образом из них обоих состоит и составлено. Ведь оно само по себе вторичное и составное, но в сравнении с другими оказывается первичным и не составным»¹¹³.

Она обдуманно определяет эти части и показывает, как они выходят из своего начала в числе три, на дивный манер кипучего ключа, что Эратосфен и его последователи назвали «решетом»¹¹⁴. 68. Кроме того, она прибавляет другое, не менее значимое деление того же четного числа, научая, что одни — недостаточные, другие — избыточные, иные же, меж теми и теми, — совершенные¹¹⁵. Каким наслаждением богата эта мысль, ясно лишь тому, кому сама она это показывает. Есть и другие ее цветы, кои и мне перечислять не ко времени, и тебе не воспринять их с легкостью иначе как присутствуя на уроке. Но я знаю одно: ее правила требуют, чтобы тот, кто в этом подвизается, посвятил себя ей всецело и забыл обо всем внешнем — отменное свидетельство ее тонкости сравнительно с прочими искусствами. Перейдем же к описанию остальных.

69. Эта дева¹¹⁶, неким весельем, как можно видеть, отличающаяся от прочих, со сладкозвучным тимпаном в правой руке, в левой же с книжицей, содержащей правила и природы всех звуков, — в этой, говорю я, узнается властительница всех созвучий, не только в человеческом голосе производящая стройность, определенную природой и с ней согласную, но и в струнах, медных инструментах и ударных имеющая и выказывающая силу¹¹⁷. Посему-то она все души влечет к себе с немалым могуществом. Детские умы, недавно заключенные в тела, она захватывает с такою силой, что первыми же звуками, услышанными в теле, они наслаждаются, если те стройны, и раздражаются, если те не

¹¹²Источник — Боэций (Boet. De inst. arithm. II. 2. 1), называющий теорию Никомаха «глубокой и удивительной».

¹¹³Неточная цитата из Боэция (Boet. De inst. arithm. I. 13. 1).

¹¹⁴Источник сведений о «решете Эратосфена» — Boet. De inst. arithm. I. 17. 1.

¹¹⁵Ср. Boet. De inst. arithm. I. 9. 11; I. 19–20.

¹¹⁶Маргиналия: «Музыка».

¹¹⁷Ср. разделение музыки на мировую, человеческую и инструментальную: Boet. De inst. mus. I. 2.

в согласии¹¹⁸. 70. Этим не могла их наделить ни опытность, ни природа, если только они прежде не впивали умом на небе нечто подобное¹¹⁹. Их кормилицы, хорошо это понимая, лишь почувствуют, что дети по какой-то причине готовы разразиться плачем, тотчас спешат к ним с каким-нибудь напевом, ибо душа сохранила для себя это несравненное и родное утешение: предложи ей его, и, внимая, она тотчас забудет все прочее¹²⁰. 71. А чтобы не утруждаться долгим поиском примера — ты сам, если вспомнишь, в прошлом году, во время занятий в Галлии, полностью отдавался сей самой музыке, и однажды вечером был там наставник сего искусства вместе с учениками, и они — и сама Королева¹²¹ — просили тебя сыграть на кифаре, и какой-то мальчик, еще не освоившийся со звуками речи, от звучанья кифары был охвачен такой радостью, что принялся поводить руками и пальцами вслед за музыкой, заставив всех окружающих рассмеяться. Однако не все в равной мере понимали смысл и причину его движений.

72. Примечай, как подростки и юноши по природе столь музыкою пленены, что не только в мирную пору полностью ей отдаются, но и в военных занятиях¹²², и при начале их, и при прекращении, музыка дает им и шпоры и узду. Ведь при вступлении в бой резкий рожок прищоривает души, а при отходе более низкий звук трубы их остужает. Сколь властна эта сила над душой! Пропустим примеры из баснословия, уверяющего, что стены росли при звуке музыкальных инструментов, леса за искусником следовали¹²³, — по крайней мере, несомненно для всякого, кто захочет вспомнить о своем наслаждении, что музыка ум из смятения выводит к покою, из покоя — к восторгу. В старости же это диво обладает такой действенностью, что этот возраст не только требует стройности звуков, но и нравы свои и все дела старается и радуется привести к этической стройности¹²⁴. 73. Посему этот возраст, прочно

¹¹⁸Ср. Voet. De inst. mus. l. 1: «...чаще даже восхищается [ими], если только они представляют собой приятные и согласованные мелодии, однако раздражается, если они достигают чувства [как] беспорядочные и бессвязные» (пер. Е. В. Герцмана).

¹¹⁹О знании и упражнении и врожденном чувстве в музыке ср. Aug. De mus. l. 5–28.

¹²⁰О влиянии музыки на душу ср. Mart. De nupt. ix. 922–929; Isid. Etym. III. 17.

¹²¹Считают, что речь идет о Бертраде де Монфор (ок. 1070–1117), вдове короля Филиппа I (ум. 1108); см. Adélarde de Bath, 2016: XIII.

¹²²Ср. Macr. Somn. II. 3. 9; Mart. De nupt. ix. 925; Cic. Tusc. II. 37; Aul. Gell. Noct. Att. I. 11 и пр.

¹²³Намек на мифы об Амфионе и Орфее. Ср. Macr. Somn. II. 3. 8.

¹²⁴О способности музыки и гармонии делать душу более разумной и содействовать добродетельной и праведной жизни: Calc. Tim. 47d; Calc. In Tim. 267.

утвердившийся в таком намерении, многие мудрецы зовут «веским»¹²⁵. А то, что музыка приводит всякий возраст не только от алчности к щедрости, но и от болезни к здравью¹²⁶, дает философам сильный довод в пользу того, что душа спустилась от вышних звезд в тела и что она, даже совсем недавно оказавшись в теле, узнает музыку¹²⁷, к которой там привыкла. Это у существ разумных. Но и у немых животных эта сила весьма действенна¹²⁸. У англичан рыбу гонят в сети сладким звоном цимбал, плывущих по воде¹²⁹. У парфян людская песнь заставляет ланей уснуть, ловя их без всякой сети. Птиц, без сомнения, песни ведут в силки. И ты сам, рассуждая об этих вещах, утверждал, как я слышала, то же самое — именно, что дикий ястреб, которого иначе не приручить, делается послушным благодаря музыкальным инструментам. 74. Посему помянутый философ¹³⁰ говорил, что мировая душа создана из таких соразмерностей, понимая это не в прямом смысле, но скорее подразумевая, что хотя у души много сил, среди самых достойных — та, что душа находится в согласии с собой и рада внести то же согласие в тела, и осуществляет свои возможности в частях тела, поскольку видит их в гармонии друг с другом. Посему одно тело она одушевляет непрестанно, а другое надолго оставляет неодушевленным.

75. Пифагор¹³¹ не упустил этого, когда с немалым тщанием исследовал музыкальные различия и — чтобы это не укрылось от потомков — записал свои открытия, сначала научая, что одна музыка мировая, другая человеческая, иная инструментальная¹³² — ведь ни качества элементов, ни их вес, ни временные промежутки не чужды сему согласию; затем обсуждая, какие из несметного множества звуков способны создать созвучие, сводя их к небольшому и определенному числу (сообразно тому, что все ценное редко) и утверждая, что они разделяются не суждением

¹²⁵ Аделард обыгрывает многозначность слова *gravis*: «степенный, почтенный», а применительно к звуку — «низкий».

¹²⁶ Ср. *Macr. Somn.* II. 3. 9.

¹²⁷ Ср. *Calc. in Tim.* 73 и 95; *Macr. Somn.* II. 1–3; *Mart. De nupt.* IX. 923.

¹²⁸ Ср. *Macr. Somn.* II. 3. 10; *Mart. De nupt.* IX. 927.

¹²⁹ Марциан Капелла (*Mart. De nupt.* IX. 927) упоминает подобную практику в Александрии. Аделард, видимо, мог наблюдать такую рыбную ловлю в Англии.

¹³⁰ Ч. Бернетт (*Burnett, 1987: 74f.*) указывает, что Бозций (*Boet. De inst. mus.* I. 1) в аналогичном контексте ссылается на Платона: «Отсюда можно понять, как верно сказано Платоном, что душа мира была соединена музыкальной связью» (пер. Е. В. Герцмана).

¹³¹ О роли Пифагора в изучении музыки (в частности, легенда о том, как он наблюдал за звуками молотов): *Boet. De inst. mus.* I. 10–11; *Macr. Somn.* II. 1. 8–13.

¹³² Ср. выше, II. 69.

чувств, не способным ни на какую тонкость, но приговором разума: ибо он сам постиг эту науку, прилагая счисление к звукам молотов, и затем обратился к математическому исследованию прочих инструментов. 76. Ведь во всем один закон согласия: что производят соотношения весов в молотах и цимбалах, то же самое на струнах производят соотношением длинного и короткого, натяжения и ослабления, то же на свирели соотношением глубины и ширины, то же во всех элементах, где стройность достигается в некоем согласном разногласии. Все это мудрый муж тщательно исследует, а затем прибавляет различия между самими созвучиями. На сей странице выведено важное положение, показывающее, как тон состоит из двух полутонов и коммы и каково отличие полутонов друг от друга и от коммы¹³³ (ибо они не равны). Если кто постигнет это легко, пусть будет благодарен своему мозгу. 77. Столь же медвяные слова прибавляет он о разделении монохорда и прочих вещах в этом роде. Если я начну их перечислять, скорей кончатся мои силы, чем число предметов. Теперь по порядку перейдем к остальным, не упуская того, что хотя обе вышеупомянутые¹³⁴ в своих рассуждениях имеют дело с числом, однако различны тем, что одна преимущественно исследует числа, а другая — соотношения, хотя очевидно, что в телах то и другое совпадает.

78. Две оставшихся¹³⁵ неравны ростом, но меньшая подает помощь большей. Различны они в том, что хотя каждая из них объявляет, что по своим обязанностям имеет дело с телесной величиной, меньшая упражняется в науке о неподвижной величине, в то время как большая исследует состояние подвижной небесной массы. Поэтому меньшую, о которой теперь речь, греки называли геометрией, что значит «измерение земли»¹³⁶. Сколь ее деятельность необходима смертным, легко может заключить всякий, кто размыслит о межевании земель. 79. Когда люди начали собираться и объединяться на началах разума, а политическая справедливость достигла того, что, занимая земли, люди прибегали не к тираническому захвату, но к точному измерению, было наконец решено, чтобы каждый обозначил границу занятой им земли. Благодаря этому прекратились тяжбы, возникавшие прежде от отсутствия рубежей, и войны, некогда начинавшиеся по тем же причинам. Уразумев

¹³³О комме и полутонах см. Boet. De inst. mus. III. 4–8, 12, 14–16.

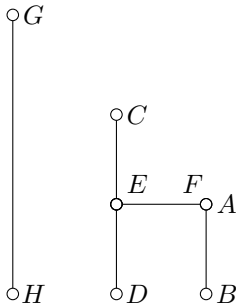
¹³⁴Т. е. арифметика и музыка.

¹³⁵Маргиналия: «Геометрия».

¹³⁶Ср. Isid. Etym. III. 10. 1–3 (не только этимология, но и связь изобретения геометрии с разливами Нила, о которой Аделард говорит ниже).

это, другие народы нашли свою выгоду в подражании этому искусству, изумляясь разуму изобретателя. Иногда эти межи уничтожались некими стремительными изменениями, ибо в Ливии нагромождения песка, в Египте Нила кипучие разливы стерли помянутые начертанья границ. Посему один мудрый человек¹³⁷ с возвышенной тонкостью ума удалился в укромное место, дабы размыслить, как открыть правило измерения земли, которое бы оставалось в силе вечно, а лучше сказать, старался извлечь то, чем владела его душа в сокровищнице своей божественности от начала.

80. Столь великого замысла совершитель, он с помощью этой девы, начав с точки, продолжив линией, добрался через плоскость до объема. Затем под ее водительством он нашел, сколькими точками определяется линия, сколькими линиями — плоскость, сколькими плоскостями создается объем. Последовательно он разделил мир на части, части на провинции¹³⁸, провинции на области, области на места, места на края, края на поля, поля на центурии, центурии на югеры, тщательно рассматривая, что есть центр, что диаметр, что круглое, что угловатое, что основа, что катет, что гипотенуза, что перпендикуляр. 81. Напоследок, еще ревностней предавшись столь важному исследованию, он с помощью геометрии уловил даже размер отдаленных тел. Вследствие этого он предложил твердые правила, с помощью которых можно определять высоту тел, длину или ширину плоскостей и глубину колодцев, не приближаясь к ним. Так как это, пожалуй, покажется тебе невероятным, я не премину представить из многого немного, чтобы ты мог увидеть, что дело это не невозможное, и, вкусив немного от сего рода разума, не страшился его.



82. Предположим, что тебе надобно измерить башню некоторой высоты. Ты берешь трость вдвое выше измеряющего, к середине которой под прямым углом тщательно приделываешь другую трость, наполовину короче первой, то есть равную по высоте измеряющему. Это орудие нужно переносить по окружающей местности, пока измеритель не увидит отчетливо верх башни в ряд

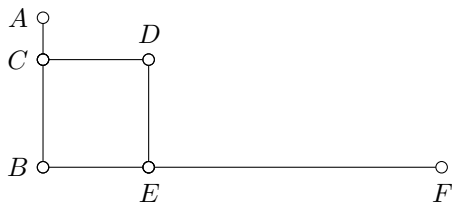
¹³⁷Речь снова о Пифагоре.

¹³⁸Набор лексики, используемый здесь Аделардом (provinciae, loca, regiones, territoria) ср. с: Isid. Etym. XIV. 5. 19–22.

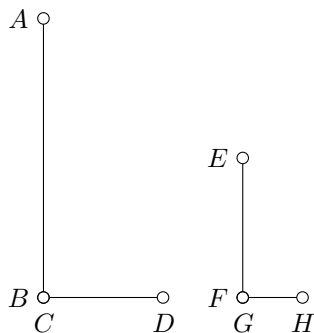
с верхушками обеих тростей. Когда он это увидит, высоту башни следует считать такой, каково расстояние от измерителя до основания башни плюс высота самого измерителя. Например, пусть высота измерителя AB , двойная трость — CD , другая, отведенная под прямым углом, — EF , высота башни — GH . Итак, BH с прибавлением BA будет равно GH , если только устранить ту опасность, что подсчету будет помехой неровная поверхность: изобретательный разум может ограничить эту опасность, растянув веревку.

83. Еще один способ решения, не менее ясный. Рассмотрим тень некоторой высоты и конец этой тени. Тщательно его отметив, установи на самом конце тени палку любой величины, тень которой надо измерить не менее тщательно. Каково будет соотношение двух теней, таково же будет во всем соотношение двух высот. Например: пусть высота, подлежащая измерению, будет AB , ее тень — CD , трость — EF , тень трости — GH . Пусть CD будет вдвое длиннее GH . Тогда AB будет вдвое длиннее EF .

84. А для измерения плоскости, которую греки называют эпифанией¹³⁹, мы пользуемся таким способом. Измеритель должен стать на самой кромке поля, подлежащего измерению, запасшись тростью короче его роста. Ее нужно перемещать по полю, пока граница поля не



его роста, от отмеченной точки до глаз, к линии, отведенной под прямым углом, таково, несомненно, будет отношение всего его роста к плоскости, подлежащей измерению. Чтобы было понятней: пусть плоскость будет

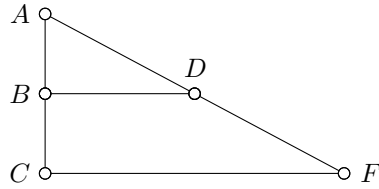


станет видна в ряд с верхушкой трости. Когда это сделано, от вершины трости до тела измерителя надо прямо провести линию под прямым углом и тщательно отметить место на его теле, куда придется эта линия. Ведь каково будет отношение

¹³⁹Επίφανεια — «явление; видимая поверхность тела» (ср. Мастр. Somn. I. 5. 9), у Адларда в значении «протяженность».

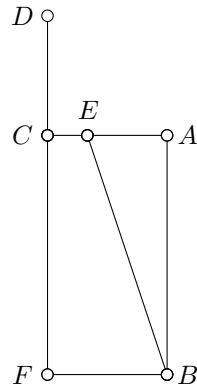
BF , трость — DE , рост измерителя — AB , трость под прямым углом — DC . Каково будет отношение CA к CD , таково и AB к BF .

Другой способ. Поставить трость, равную по высоте измерителю, на краю эпифании, а к ней под прямым углом присоединить другую, произвольной длины. 85. Когда они будут так соединены, это орудие надо передвигать вверх и вниз, пока в ряд с обоими концами не будет виден конец эпифании.



Когда он будет отмечен, следует тщательно рассматривать стык тростей. Затем часть закрепленной трости выше стыка надо сравнить со всей ее длиной, и то же соотношение необходимо будет между перпендикулярной тростью и поверхностью. Чтобы было нагляднее: пусть трость, равная с уровнем глаз измерителя, будет AC , плоскость, подлежащая измерению, — CE , трость, отходящая под прямым углом, — BD . Пусть AB будет половиной AC . Тогда BD будет половиной CE , что не укроется от испытателя.

86. С такою же тонкостью эта дева научает определять глубину любого колодца. Первым делом измеритель должен точно узнать, круглый ли периметр у колодца. Затем измерить диаметр. Наконец измеритель, стоя на кромке колодца, должен положить себе под ноги кусок дерева любой величины, который он должен медленно двигать вперед-назад, пока не увидит дно на другой стороне колодца в одну линию с верхом деревяшки. Затем ту часть деревяшки, что выступает за край колодца, надо сравнить с ростом измерителя, и то же соотношение окажется между диаметром колодца и его глубиной плюс рост измерителя. 87. Например: если глубина колодца — CF , диаметр — CA , рост измерителя — CD , кусок дерева, сравниваемый с его ростом, — CE , другая сторона колодца — AB . Пусть DC будет втрое больше CE , тогда DF втрое больше CA .



Я выбрала для тебя из многого немного, из трудного — самое легкое, чтобы ее правила показались тебе убедительными, а внимательному уму — не менее вразумительными. Человек, наставленный этими и прочими ее правилами, своим разумением уготовает себе путь по земле

на небо и постигнет размер и различие вышних тел. Довольно об этой деве; той же, что остается, ростом выше прочих, я коснусь кратко.

88. Эта девица¹⁴⁰, которую ты видишь блеском лучащейся, усеянной очами по всему телу¹⁴¹, с палочкой в правой руке и астролябией в левой, объясняет разумеющим все подвижное и небесное количество, что расположено ниже апланоса¹⁴². Ведь она в своей науке описывает форму вселенной, охваченную в ее целости, число и размер кругов, расстояния меж орбитами, пути планет, расположение знаков зодиака¹⁴³; она рисует параллели и колюры, обдуманном расчетом разделяет зодиак на двенадцать частей, ведает величину звезд, противоположность полюсов, протяженность осей. Если кто сможет привлечь ее к себе на службу, откроется ему не только нынешнее состояние земных вещей, но и прошедшее и будущее. 89. Ибо высшие и божественные одушевленные существа суть начала и причины нижних природ. И о ней я могла бы молвить многое, не менее привлекательное, чем о прочих, если бы это можно было охватить в короткой речи и не будь это непостижимо для неопытного в сем искусстве.

Ты же, юноша, продолжай со всем усердием, как начал, и охвати их науки, мною описанные! Ими напоенный, ты и юность честно удержишь уздой разума, и тяготу старости (так ведь некоторые выражаются)¹⁴⁴ отраднo утетишишь. Что прекрасней, чем в юности, легко влекущейся к порокам, располагать средствами удерживать ее от пороков и устремлять к добродетели; а в старости, которая в известном смысле по природе склонна к добродетели, — средствами отвращать других, юнейших, от беспутных хождений, наставлять их на путь? Ведь так и возраст и нрав блещут прекрасней, украшенные согласием в добродетели. 90. Но поскольку эти девы, коих я восхваляю, не обнаруживаются все одинаково легко в одном и том же месте, будет полезно прийти к учителям разных народов и выучить то, что у каждого из них найдешь отменней изложенным. Чего галльские занятия не ведают, заальпийские откроют; чему у латинян не научишься, то расскажет красноречивая Греция.

¹⁴⁰Маргиналия: «Астрономия».

¹⁴¹Ср. Mart. De nupt. VIII. 811, а также Macr. Sat. I. 19. 12–13, где Аргус, усеянный глазами, истолковывается как звездное небо.

¹⁴²Термин, употребляемый Аделардом также в *Quaestiones naturales*, заимствован у Макробия (Macr. Somn. I. 6. 9 и 11), у которого означает сферу неподвижных звезд (искаж. греч. ἀπλανής, «недвижимый»).

¹⁴³Ср. Isid. Etym. III. 24.

¹⁴⁴О старости как «бремени» (onus) ср. Cic. De sen. 4 и 14.

Как душа, распорядительница тел, не может прикладывать все свои силы во всех частях человеческого тела, но одно совершает в голове, другое — в сердце, иное — в печени, и даже разные части самой головы посвящает разным обязанностям — на носу руководствует воображением, в середине пользуется рассудком, на корме (то есть в затылке) укрывает память¹⁴⁵; кроме того, левую часть сердца она приспособила для уходящих артерий, правую же — для приходящих вен; в самой же печени посредством желтой желчи, горячей и сухой, она вызывает голод, посредством черной желчи, холодной и сухой, удерживает пищу, посредством крови, горячей и влажной, переваривает, посредством флегмы, холодной и влажной, извергает — так та же распорядительница, затем что не всякая область богата мужами, способными отличаться во всяком занятии, водворила в разных краях разные науки, так же как одно тело пригодней другого для восприятия ее божественности, дабы то, чего она не в силах совершить в одной части мира, ей удалось в целом мире¹⁴⁶.

91. Молвив это, она сдержанным шагом удалилась со своими девами. Я отправился домой, ошеломленный услышанным, а затем с великой прилежностью обратил свой ум на каждое из искусств: дочитав один урок, я жаждал следующего еще пылче, как будто, если бы остального не доставало, прочитанное не принесло бы мне никакой пользы, в надежде, что этим распорядком я смогу укрощать мою юность, утешать мою старость. Да, вот чем я занимался: когда, придя из Салерно, в Великой Греции с помощью своих познаний я испытывал одного философа-грека, более прочих способного рассуждать об искусстве медицины и природах вещей, спрашивая у него, какою силой и природой магнит притягивает к себе железо, он в свою очередь обратил ко мне такой вопрос: «Если бы сквозь середину земного шара открылось широко зияющее отверстие и была туда с большою силою брошена весьма тяжелая скала, куда, скажи, она бы делась¹⁴⁷, если и к небу тяжести нести не могут, и при ее падении не встречается ничего, способного задержать эту тяжесть?»

92. Он выслушал мое рассуждение на этот счет, а в конце нашего спора я услышал его утверждение, что изучение сих наук и труды, к ним приложенные, никогда не заставят раскаиваться. Я не вполне понял его слова, и, объясняя их мне, он молвил, что тот, кто, оставив свои

¹⁴⁵Ср. *Nem. De nat. hom.* 13; *Adel. Quaest. nat.* 18.

¹⁴⁶Метафора разных функций разных частей человеческого тела, развертываемая Аделардом, — светский вариант Рим. 12:4–5.

¹⁴⁷Аделард обсуждает эту проблему в *Adel. Quaest. nat.* 49.

дела, удаляется в уединенное место, укрепленный очистительными добродетелями, хотя и раскаивается в том, что совершил среди мирских соблазнов, уж точно никогда не питает неприязни к тому, что изучил, — скорее часто клянет себя за то, что не испил из этого ключа обильней.

Вот, любезнейший племянник, я удовлетворительно изложил тебе причины моего извилистого странствия по наставникам разных краев, так что могу и сбросить с себя бремя твоего несправедливого обвинения, и внушить тебе страсть к тем же занятиям, дабы, покамест другие на всякий лад выставляют свои богатства, мы выказывали наше знание. Прощай и размысли, справедливо ли я рассуждал¹⁴⁸.

СОКРАЩЕНИЯ

Adel. Quaest. nat.	<i>Adelardus Bathoniensis</i> . Quaestiones naturales // L'Un et le divers, Questions sur la nature (Les causes des choses), avec le pseudépigraphe Comme l'atteste Ergraphalau / Adélard de Bath ; ed. by C. Burnett. — Paris : Les Belles Lettres, 2016. — P. 87–306.
Apul. Florida	<i>Apuleius</i> . Florida // <i>Apulei Platonici Madaurensis opera quae supersunt</i> . Vol. 2. — Leipzig, 1993. — Fasc. 2.
Aug. De mus.	<i>Augustinus</i> . De musica / Ed. M. Jacobsson. — Berlin, 2017.
Aul. Gell. Noct. Att.	<i>Aulus Gellius</i> . Noctes Atticae: Libri I–X / Ed. C. Housius. — Leipzig, 1981.
Boet. Cons.	<i>Boethius</i> . De consolatione Philosophiae // De consolatione Philosophiae. Opuscula theologica / Ed. C. Moreschini. — Leipzig, 2005. — P. 3–162.
Boet. De inst. arithm.	<i>Boethius</i> . De institutione arithmetica / Ed. H. Oosthout, J. Schilling. — Turnhout, 1999.
Boet. De inst. mus.	<i>Boethius</i> . De institutione musica / Ed. G. Friedlein. — Leipzig, 1867.
Boet. De top. diff.	<i>Boethius</i> . De topicis differentiis // De topicis differentiis / Ed. D. Z. Nikitas. — Athens, Paris, Brussels, 1969.
Calc. In Tim.	<i>Calcidius</i> . In Timaeum commentarius // On Plato's Timaeus / ed. and trans. by J. Magee. — Cambridge (Mass.), 2016. — P. 124–688.
Calc. Tim.	<i>Calcidius</i> . Timaeus // On Plato's Timaeus / ed. and trans. by J. Magee. — Cambridge (Mass.), 2016. — P. 8–120.

¹⁴⁸Ср. обращение турского старца к самому Аделарду: «Ты взвесь, верно ли я все представил» (II. 4).

- Cic. De amic. *Cicero. Laelius de amicitia* / Ed. C. F. W. Müller. — Leipzig, 1884.
- Cic. De div. *Cicero. De divinatione // De divinatione. De fato. Timaeus* / M. Tullius Cicero ; Ed. O. Plasberg, W. Ax. — Leipzig, 2011.
- Cic. De fin. *Cicero. De finibus bonorum et malorum* / Ed. C. Moreschini. — Munich, Leipzig, 2005.
- Cic. De inv. *Cicero. De inventione* / Ed. E. Stroebel. — Stuttgart, 1965.
- Cic. De legg. *Cicero. De legibus* / Ed. C. Müller. — Leipzig, 1918.
- Cic. De nat. deor. *Cicero. De natura deorum* / Ed. W. Ax. — Leip., 1933.
- Cic. De off. *Cicero. De officiis ad Marcum filium libri tres* / Ed. O. Heine. — Berlin, 1878.
- Cic. De or. *Cicero. De oratore* / Ed. K. Kumaniecki. — Leip., 1995.
- Cic. De sen. *Cicero. Cato Maior de senectute* / ed. and trans. by P. Wuilleumier. — Paris, 1961.
- Cic. Topica *Cicero. Topica* / Ed. T. Reinhardt. — Oxford, 2004.
- Cic. Tusc. *Cicero. Tusculanae Disputationes* / Ed. M. Pohlenz. — Leipzig, 1918.
- Hor. Ep. *Horatius. Epistulae // Q. Horatii Flacci opera* / Ed. F. Klingner. — Leipzig, 1950. — P. 240–293.
- Isid. Etym. *Isidorus Hispalensis. Etymologiae* / Ed. W. M. Lindsay. — Oxford, 1911.
- Lucr. De rer. nat. *Lucretius. De rerum natura* / Ed. J. Martin. — Leipzig, 1934.
- Macr. Sat. *Macrobius. Saturnalia. Libri I–III* / Ed. R. Kaster. — Cambridge (Mass.), 2011.
- Macr. Somn. *Macrobius. In somnium Scipionis* / Ed. M. Neri. — Milano, 2014.
- Mart. De nupt. *Martianus Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii* / Ed. I. Ramelli. — Milano, 2004.
- Nem. De nat. hom. *Nemesius Emesensis. De natura hominis* / Ed. M. Morani. — Leipzig, 2013.
- Ov. Her. *Ovidius. Heroides* / Ed. H. Dörrie. — Berlin, New York, 1971.
- PL *Patrologiae cursus completus. Series Latina* / Ed. J. P. Migne. — Paris, 1844–1865.
- Plat. Phaedr. *Plato. Phaedrus // Euthyphro. Apology. Crito. Phaedo. Phaedrus* / Ed. H. N. Fowler. — Cambridge (Mass.), 1904.
- Plin. Hist. nat. *Plinius. Naturalis historia : in 5 vols.* / Ed. J. Mayhoff. — Leipzig, 1897–1933.

- Plut. Cic. *Plutarchus* // Lives. Vol. VII. Demosthenes and Cicero. Alexander and Caesar / Ed. B. Perrin. — Cambridge (Mass.), 1919.
- Quint. Inst. *Quintilianus*. Institutio oratoria : in 5 vols. / Ed. D. Russell. — Cambridge (Mass.), London, 2001.
- Stat. Theb. *Statius*. Thebais / Ed. A. Marastoni. — Leipzig, 1974.
- Terent. Phorm. *Terentius*. Phormio // P. Terenti Afri Comoediae / Ed. A. Fleckeisen. — Leipzig, 2011.
- Verg. Aen. *Vergilius*. Aeneis / Ed. G. B. Conte. — Leipzig, 2005.
- Verg. Georg. *Vergilius*. Georgica // Bucolica et Georgica / P. V. Maro ; Ed. S. Ottaviano, G. B. Conte. — Leipzig, 2013.
- Xen. Mem. *Xenophon*. Memorabilia / Ed. C. Hude. — Leip., 1891.

ИСТОЧНИКИ

- Adélarde de Bath*. L'Un et le divers, Questions sur la nature (Les causes des choses), avec le pseudépigraphe Comme l'atteste Ergaphalau / sous la dir. de C. Burnett. — Paris : Les Belles Lettres, 2016.
- Adelard of Bath*. Conversations with His Nephew: On the Same and the Different, Questions on Natural Science, and On Birds / ed. and trans. from the Latin by C. Burnett. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

ЛИТЕРАТУРА

- Balint B.* Ordering Chaos : The Self and the Cosmos in Twelfth-Century Latin Prosimetrum. — Leiden, Boston : Brill, 2009.
- Burnett C.* Adelard, Music, and the Quadrivium // Adelard of Bath : An English Scientist and Arabist of the Early Twelfth Century / ed. by C. Burnett. — London : Warburg Institute, 1987. — P. 69–86.
- Wetherbee W.* Platonism and Poetry in the Twelfth Century : The Literary Influence of the School of Chartres. — Princeton : Princeton University Press, 1972.

Adelard Bat-skiy [Adelard of Bath]. 2018. "O tozhdestvennom i razlichnom [On the Same and the Different]" [in Russian], trans. from the Latin and annot., with an introd., by R. L. Shmarakov. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] II (3), 205–246.

ADELARD OF BATH

ON THE SAME AND THE DIFFERENT

Translation of: Adelard of Bath. 2006. *Conversations with His Nephew: On the Same and the Different, Questions on Natural Science, and On Birds*. Ed. and trans. from the Latin by Ch. Burnett. Cambridge: Cambridge University Press. P. 2–73.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-3-205-246.

REFERENCES

- Adélard de Bath. 2016. *L'Un et le divers, Questions sur la nature (Les causes des choses), avec le pseudépigraphe Comme l'atteste Ergaphalau* [in French]. Ed. by Ch. Burnett. Paris: Les Belles Lettres.
- Adelard of Bath. 2006. *Conversations with His Nephew: On the Same and the Different, Questions on Natural Science, and On Birds*. Ed. and trans. from the Latin by Ch. Burnett. Cambridge: Cambridge University Press.
- Adelardus Bathoniensis. 2016. *Quaestiones naturales* [in Latin]. In *L'Un et le divers, Questions sur la nature (Les causes des choses), avec le pseudépigraphe Comme l'atteste Ergaphalau*, by Adélard de Bath, ed. by Ch. Burnett, 87–306. Paris: Les Belles Lettres.
- Apuleius. 1993. *Florida* [in Latin]. In *Apulei Platonici Madaurensis opera quae supersunt*, vol. 2. Fasc. 2. Leipzig.
- Augustinus. 2017. *De musica* [in Latin]. Ed. by M. Jacobsson. Berlin.
- Aulus Gellius. 1981. *Noctes Atticae: Libri I–X* [in Latin]. Ed. by C. Hosius. Leipzig.
- Balint, B. 2009. *Ordering Chaos: The Self and the Cosmos in Twelfth-Century Latin Prosimetrum*. Leiden and Boston: Brill.
- Boethius. 1867. *De institutione musica* [in Latin]. Ed. by G. Friedlein. Leipzig.
- . 1969. "De topicis differentiis" [in Latin]. In *De topicis differentiis*, ed. by D. Z. Nikitas. Athens, Paris, and Brussels.
- . 1999. *De institutione arithmetica* [in Latin]. Ed. by H. Oosthout and J. Schilling. Turnhout.
- . 2005. *De consolatione Philosophiae* [in Latin]. In *De consolatione Philosophiae. Opuscula theologica*, ed. by C. Moreschini, 3–162. Leipzig.
- Burnett, Ch. 1987. "Adelard, Music, and the Quadrivium." In *Adelard of Bath: An English Scientist and Arabist of the Early Twelfth Century*, ed. by Ch. Burnett, 69–86. London: Warburg Institute.
- Calcidius. 2016a. *In Timaeum commentarius* [in Latin]. In *On Plato's Timaeus*, ed. and trans. by J. Magee, 124–688. Cambridge (Mass.)
- . 2016b. *Timaeus* [in Latin]. In *On Plato's Timaeus*, ed. and trans. by J. Magee, 8–120. Cambridge (Mass.)
- Cicero. 1878. *De officiis ad Marcum filium libri tres* [in Latin]. Ed. by O. Heine. Verlin.
- . 1884. *Laelius de amicitia* [in Latin]. Ed. by C. F. W. Müller. Leipzig.
- . 1918a. *De legibus* [in Latin]. Ed. by C. Müller. Leipzig.

- . 1918b. *Tusculanae Disputationes* [in Latin]. Ed. by M. Pohlenz. Leipzig.
- . 1933. *De natura deorum* [in Latin]. Ed. by W. Ax. Leipzig.
- . 1961. *Cato Maior de senectute* [in Latin]. Ed. and trans. by P. Wuilleumier. Paris.
- . 1965. *De inventione* [in Latin]. Ed. by E. Stroebel. Stuttgart.
- . 1995. *De oratore* [in Latin]. Ed. by K. Kumaniecki. Leipzig.
- . 2004. *Topica* [in Latin]. Ed. by T. Reinhardt. Oxford.
- . 2005. *De finibus bonorum et malorum* [in Latin]. Ed. by C. Moreschini. Munich and Leipzig.
- . 2011. *De divinatione* [in Latin]. In *De divinatione. De fato. Timaeus*, by M. Tullius Cicero, ed. by O. Plasberg and W. Ax. Leipzig.
- Horatius. 1950. *Epistulae* [in Latin]. In *Q. Horatii Flacci opera*, ed. by F. Klingner, 240–293. Leipzig.
- Isidorus Hispalensis. 1911. *Etymologiae* [in Latin]. Ed. by W. M. Lindsay. Oxford.
- Lucretius. 1934. *De rerum natura* [in Latin]. Ed. by J. Martin. Leipzig.
- Macrobius. 2011. *Saturnalia. Libri I–III* [in Latin]. Ed. by R. Kaster. Cambridge (Mass.)
- . 2014. *In somnium Scipionis* [in Latin]. Ed. by M. Neri. Milano.
- Martianus Capella. 2004. *De nuptiis Philologiae et Mercurii* [in Latin]. Ed. by I. Ramelli. Milano.
- Migne, J. P., ed. 1844–1865. *Patrologiae cursus completus. Series Latina* [in Latin]. Paris.
- Nemesius Emesensis. 2013. *De natura hominis* [in Latin]. Ed. by M. Morani. Leipzig.
- Ovidius. 1971. *Heroides* [in Latin]. Ed. by H. Dörrie. Berlin and New York.
- Plato. 1904. *Phaedrus* [in Ancient Greek]. In *Euthyphro. Apology. Crito. Phaedo. Phaedrus*, ed. by H. N. Fowler. Cambridge (Mass.)
- Plinius. 1897–1933. *Naturalis historia* [in Latin]. Ed. by J. Mayhoff. 5 vols. Leipzig.
- Plutarchus. 1919. [in Latin]. In *Demosthenes and Cicero. Alexander and Caesar*, vol. VII of *Lives*, ed. by B. Perrin. Cambridge (Mass.)
- Quintilianus. 2001. *Institutio oratoria* [in Latin]. Ed. by D. Russell. 5 vols. Cambridge (Mass.) and London.
- Statius. 1974. *Thebais* [in Latin]. Ed. by A. Marastoni. Leipzig.
- Terentius. 2011. *Phormio* [in Latin]. In *P. Terenti Afri Comoediae*, ed. by A. Fleckeisen. Leipzig.
- Vergilius. 2005. *Aeneis* [in Latin]. Ed. by G. B. Conte. Leipzig.
- . 2013. *Georgica* [in Latin]. In *Bucolica et Georgica*, by P. Vergilius Maro, ed. by S. Otaviano and G. B. Conte. Leipzig.
- Wetherbee, W. 1972. *Platonism and Poetry in the Twelfth Century: The Literary Influence of the School of Chartres*. Princeton: Princeton University Press.
- Xenophon. 1891. *Memorabilia* [in Latin]. Ed. by C. Hude. Leipzig.